

Круглый стол в ПДВ

60 лет Китайской Народной Республики: итоги и перспективы

От редакции. 30 июня 2009 г. в ИДВ РАН был проведен Круглый стол Института Дальнего Востока и журнала "Проблемы Дальнего Востока", посвященный 60-й годовщине образования КНР. В обмене мнениями по поводу основных итогов развития страны за этот период и ее дальнейших перспектив приняли участие: к.э.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН О.Н. Борох, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ А.С. Давыдов, к.и.н., проф. МГИМО (У) МИД РФ Ю.А. Дубинин, к.и.н., заместитель директора ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова А.Н. Карнеев, зав. отделом экономики редакции ПДВ А.С. Крушинский, д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН А.В. Ломанов, д.и.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН С.Г. Лузянин, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, главный редактор ПДВ В.Я. Портяков, директор ИДВ РАН, академик РАН М.Л. Титаренко. Вел заседание д.и.н., главный научный сотрудник ИДВ РАН, заместитель главного редактора ПДВ Я.М. Бергер.

Ниже публикуется сокращенная стенограмма обсуждения.

Я.М. Бергер

Уважаемые коллеги! Нам предстоит обсудить три блока проблем. Во-первых, проблемы теоретические и идеологические. Во-вторых, все, что связано с внутренней политикой и экономикой. И, в-третьих, вопросы внешней политики и международных отношений. Если против такого порядка нет возражений, я попросил бы выступить первым Михаила Леонтьевича Титаренко.

М.Л. Титаренко

Китай на новом витке исторической спирали развития возвращает себе позиции одного из главных мировых лидеров в экономике, культуре и других областях общественной жизни, которые он занимал в Танскую эпоху, в середине правления Цинской династии, вплоть до середины XIX в. За истекшие 60 лет он решил многие задачи модернизации и постепенно приближается к статусу сверхдержавы, хотя пока не по всем показателям. По своему совокупному влиянию в мире Китай фактически уже стал глобальной державой, хотя по некоторым параметрам, касающимся, например, модернизации деревни, вооруженных сил, он еще не вышел на этот уровень. Недостаточна пока и степень вовлеченности Китая в решение глобальных проблем.

Уроки развития Китая за истекшие 60 лет представляют огромную ценность для мирового развития — и для развитых, и для развивающихся стран. Образование КНР стало в середине XX века ярким маяком в борьбе колониальных стран за свое освобождение, что привело к окончательному краху системы колониализма. Китай воистину выстрадал свой путь модернизации. На этом пути были зигзаги, были ошибки. Они также имеют международное значение. Китайский опыт в целом представляет собой пример решения новых задач с учетом исторических традиций и международной практики.

На первом этапе своего развития — до конца 1950-х гг. — КНР копировала, хотя и не механически, опыт Советского Союза, опиралась на СССР и его всестороннюю помощь. Однако такая роль постепенно становилась препятствием для самоутверждения Китая как субъекта исторического развития и как великой мировой державы. Он стал предпринимать попытки создания своей модели развития, с опорой на собственные силы. Одной из таких попыток стала “политика трех красных знамен” — “большой скачок”, “создание народных коммун” в 1958—1961 гг. Но собственных сил, как вскоре стало ясно, было недостаточно. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин стали активно искать сближения с США и даже образовали с ними некий квазиальянс для борьбы с СССР. Но вскоре стало ясно, что этот путь неизбежно ведет к превращению КНР в орудие более сильного партнера.

Новый пересмотр курса ориентировался на нормализацию отношений с Советским Союзом в целях сбалансирования отношений с США, использования в своих интересах противоречий между США и Советским Союзом. Произошел пересмотр интернационалистических воззрений на социализм и идей поддержки революционных движений за рубежом. Социализм стал мобилизационным фактором, прежде всего, для решения собственных проблем, возрождения страны и улучшения жизни более чем миллиардного населения Китая. Китай последовал призыву Дэн Сяопина сосредоточиться на экономическом строительстве, “не высовываться, сотрудничать со всеми, ждать своего часа”. Подход к международным отношениям был деидеологизирован. Пекин встал фактически на путь конвергенции и переосмысления практики строительства социализма в развивающейся стране. От социализма заимствовались идеи справедливости, внимание к социальной защите всех слоев, которые интерпретировались в духе традиционных конфуцианских, моистских идеалов гармонии, “сяокана”. От капитализма — идеи рыночной экономики, экономической и социальной конкуренции. Все это объединялось прагматизмом, тезисом о том, что масть кошки не имеет значения, лишь бы она хорошо ловила мышей, что во всем надо исходить из реальности.

Различные интересы консолидируются под эгидой управляемой демократии, под властью “просвещенного авторитаризма”. КПК и армия, служащие основным стержнем политической системы, объединяют самые разные силы. Любые выступления против руководящей роли КПК подрывают этот основной стержень, дестабилизируют общество.

Россия придает отношениям Китая с миром необходимый баланс в ситуации, когда Китай будет стремиться вырваться из односторонней зависимости. России необходимо сотрудничать со всеми центрами мира.

Переосмысление социализма было начато еще В.И. Лениным и продолжено Ю.В. Андроповым. Оно ведет к тому, что социализм рассматривается не как цель, а как мобилизующая идеология. Переосмысление социализма в Китае при-

вело к созданию такой мобилизационной модели развития, которая не является ни чисто капиталистической, ни чисто социалистической, т.е. моделью сравнительно длительного периода многоукладности, как великой черты начальной стадии строительства социализма с китайской спецификой.

Удастся ли вывести Китай на передовой мировой уровень? Шансов для позитивного ответа на этот вопрос достаточно, но и факторов, которые могут быть препятствием и даже угрозой на пути к этой великой цели, тоже немало. Китаю предстоит нелегкая задача — преодолеть пять серьезных разрывов, существующих в обществе и экономике, использовать новые шансы и ответить на новые вызовы. Нельзя исключить также возможность стагнации и серьезной внешней конфронтации. В целом можно сказать, что для дальнейшего развития Китая существуют как благоприятные, так и неблагоприятные факторы. Что касается России, то ей категорически противопоказаны какие-либо меры по сдерживанию Китая. Россия уважает самостоятельность Китая, его выбор и твердо стоит на позициях сотрудничества и соразвятия. Это отвечает коренным интересам двух великих народов.

Я.М. Бергер

Я полагаю, что выступление М.Л. Титаренко заложило хорошую основу для нашей дальнейшей дискуссии. Поэтому продолжим обсуждение в установленном нами порядке.

В.Я. Портяков

Хорошо известно, что в КНР придают большое значение юбилейным датам и весьма широко отмечают наиболее важные из них. Вполне естественно, что в стране ведется активная подготовка и к празднованию 60-летия Китайской Народной Республики. На мой взгляд, это в какой-то мере облегчается тем обстоятельством, что год назад здесь уже была проведена серьезная подготовка к тому, чтобы отметить 30-летие начала политики реформ и открытости, старт которой дал 3-й пленум ЦК КПК XI созыва в декабре 1978 г. Подготовка к прошлогоднему юбилею включала в себя анализ достижений и особенностей развития страны в последнее тридцатилетие, публикацию многочисленных обобщающих докладов и монографий. Это послужило неплохим заделом для подготовки к празднованию 60-летия КНР. Следует принять во внимание и то обстоятельство, что из-за совпадения по времени юбилейных мероприятий, посвященных 30-летию реформы, с острой фазой мирового финансового кризиса прошлогодние торжества получились несколько скомканными и не столь впечатляющими, как изначально задумывалось в Пекине. В этом году, когда Китай в условиях кризиса сохранил достаточно высокую динамику экономического роста и превратился, по сути дела, в ведущего международного “ньюсмэйкера”, у руководства страны, похоже, есть основания придать торжествам больший размах.

Официальная китайская пропаганда в ходе подготовки к юбилейным торжествам стремится представить шесть десятилетий существования Китайской Народной Республики как единый процесс. Поначалу в некоторых СМИ этот период разбивали на “два тридцатилетия”, то есть на дореформенный этап 1949—1978 гг. и пореформенный этап с конца 1978 г. Затем, однако, акцент сместился на выделение всего шестидесятилетия в целом. Показательно, что статистические выкладки, размещенные в рубрике “Славное шестидесятилетие” на веб-сайте газеты “Жэньминь жибао”, сравнивают экономические показатели КНР последних лет только с ее первыми годами (1950—1952 гг. — в зависимости от того, по

какому именно году имеются достаточно достоверные сведения), но опускают сравнения с предреформенным 1978 г., как это обычно принято делать.

На мой взгляд, такой подход позволяет приподнять значение первородной, революционной легитимности пребывания у власти Коммунистической партии Китая, утвердить роль Мао Цзэдуна как великой исторической фигуры — основателя нынешнего китайского государства, наконец, практически уйти от необходимости оценки печально известных “большого скачка” и “культурной революции”. В целом сегодня история КНР, и особенно история дореформенного периода, преподносится в стране существенно более сглажено, чем это было сделано в известном решении 6-го пленума ЦК КПК XI созыва (июнь 1981 г.).

Мне представляется небезынтересным привести рекламируемый официальной пропагандой перечень наиболее важных изменений, которые произошли в Китае с 1949 г. Таковых выделено двенадцать:

— из полуколонизальной страны, находящейся под политическим и экономическим контролем империалистических сил, Китай превратился в полностью независимое самостоятельное государство, обладающее суверенной целостностью и национальным достоинством;

— из слабой, раздираемой на части страны Китай превратился в единое государство (в его континентальной части, включая Гонконг);

— из полуфеодальной страны, управляемой реакционными диктатурами, Китай превратился в государство, где хозяевами стали народные массы, где непрерывно совершенствуется социалистическая демократия и законность;

— из страны с глубокими проявлениями межнационального раскола и угнетения по национальному признаку Китай превратился в государство, характеризующееся равенством, взаимопомощью и единством всех национальностей;

— из слабой страны, располагавшей крайне отсталой промышленностью, Китай превратился в государство, народное хозяйство которого получило огромное развитие;

— из страны, экономика которой контролировалась иностранным капиталом и компраторской буржуазией, Китай превратился в государство социалистической рыночной экономики с китайской спецификой;

— из страны, закрытость которой насильно пытались взломать империалисты, Китай превратился в государство, характеризующееся всесторонней открытостью;

— из практически неграмотной страны, именовавшейся “большим Азией”, Китай стал государством, достигшим огромных успехов в образовании, науке, культуре, спорте, здравоохранении;

— из страны, где народ жил впроголодь и нередко ходил в обносках, Китай превратился в государство, где уровень жизни населения достиг средней зажиточности;

— из страны, которая в связи со слабым организационным началом нередко сравнивалась с горстью песка, Китай стал государством, отличающимся прочной сплоченностью, непрерывным совершенствованием общественного управления, наличием крепких низовых организаций в городе и деревне;

— из страны, где отсутствовала оборонная мощь и которая подвергалась агрессии и унижению со стороны иностранцев, Китай превратился в государство с мощным оборонительным потенциалом и полностью обеспеченной государственной безопасностью;

— из страны, не имевшей самостоятельной дипломатии и международного статуса, Китай превратился в государство с высоким международным престижем, независимой и самостоятельной внешней политикой.

Наверное, этот перечень небесспорен, но он вполне может служить отправной точкой для дискуссии об успехах, достигнутых КНР, проблемах, выявляющихся в ходе ее развития, и об оценке возможных перспектив и вариантов дальнейшей эволюции страны.

А.В. Ломанов

Обретение марксизмом после образования КНР статуса официальной идеологии оказало глубочайшее влияние на процессы взаимодействия культур Китая и Запада. В первой половине XX в. китайские мыслители были сосредоточены на переосмыслении национальной традиции и поиске путей ее модернизации. В области философии происходило широкое заимствование западных концепций и категорий для создания новой трактовки китайского материала, ученые обсуждали перспективы синтеза философских традиций Китая и Запада. В 1920-1930-е гг. мировую известность обрели новаторские труды Фэн Юланя и Ху Ши, пытавшихся систематизировать идеи китайской философии с опорой на западную традицию.

После 1949 г. власти развернули целенаправленную работу по утверждению новых идеологических стандартов в преподавании и изучении общественных наук. Теоретический уровень марксистских мыслителей в те годы заметно отставал от познаний философов-немарксистов, многие из которых получили образование в Европе и США. В 1950-е гг. власти воздействовали на интеллигенцию с помощью идейных кампаний, в 1954 г. была развернута критика воззрений Ху Ши, которая из области литературоведения распространилась на другие сферы гуманитарного знания, включая философию. Для покинувшего материковый Китай Ху Ши эта кампания была заочной, однако многим из оставшихся пришлось многократно выслушивать идеологическую критику в свой адрес и выступать с самокритикой. Давление на интеллигенцию оказало негативное влияние на развитие общественных наук после образования КНР. Вместе с тем, необходимо признать, что власти проявляли определенную толерантность, подвергнутые проработке известные ученые обычно могли продолжить преподавательскую и исследовательскую деятельность.

Широкое заимствование советских материалов и учебных пособий происходило на рубеже 1940-1950-х гг., когда общественные науки в СССР были скованы рамками догматизма. Глубокое воздействие на развитие философских наук в КНР оказало выступление в 1947 г. А.А. Жданова в ходе дискуссии по книге Г.Ф. Александра “История западноевропейской философии”, утверждавшее тезисы о важности борьбы материализма и идеализма в философии и ее связи с борьбой классов. В 1950-е гг. ведущие знатоки древней мысли, такие как Фэн Юлань, Жэнь Цзюй и Чжан Дайнянь, призывали избегать упрощений при выделении в китайской мысли “линий” борьбы материализма и идеализма, диалектики и метафизики. Фэн Юлань предлагал унаследовать хотя бы “абстрактный смысл” ключевых категорий древнекитайской философии. Однако эти взгляды не стали главенствующими, политизация историко-философского наследия достигла пика в годы “культурной революции”. Споры о походах к наследию были продолжены в 1979 г., когда возрождение китайской историко-философской науки началось с обсуждения проблем исследовательской методологии. “Ждановское определение” в Ки-

тае критиковали и в 1980-е, хотя многие историки философии уже давно сомневались в его пригодности для анализа традиционного китайского материала.

В 1958 г. на Шанхайском судостроительном заводе развернулось движение рабочих за изучение философии, которое вскоре охватило всю страну. Люди повсеместно изучали философские идеи Мао Цзэдуна, прежде всего его представления о познании и диалектике. Кампания по изучению философии рабочими, крестьянами и солдатами основывалась на трактовке социального класса как коллективного субъекта познания. Установка на решение узких практических проблем на производстве с помощью диалектических методов была явным упрощением, а ширина массового охвата в изучении философии была достигнута за счет крайнего обеднения содержания. Два десятилетия массовой пропаганды элементарных философских знаний помогали формированию у народа элементов современного мировоззрения. Однако тесное соединение философии и политики привело к тому, что в начале реформ многие люди видели в философии одну из причин постигших страну бед.

При Мао Цзэдуна в КНР прошло несколько примечательных дискуссий, участником которых был философ-марксист Ян Сяньчжэнь, чье творчество и в наши дни вызывает интерес у китайских ученых. В 1958 г. в центре внимания оказалась проблема “тождества мышления и бытия” — философы пытались выяснить, была ли эта формулировка Энгельса отражением позиции диалектического материализма или идеалистическим тезисом, восходящим к учению Гегеля. Однако после “большого скачка” этот спор обрел политический подтекст, направленный на критику волюнтаристских решений руководителей, решивших, что любые приходящие в их голову мысли можно превратить в реальность. Дискуссия 1964–1965 гг. о “соединении двух в одно” с позиции нынешнего дня выглядит как творческая попытка выразить один из законов диалектики с помощью китайской традиционной философской лексики, соединить марксизм с китайской традицией. В те времена китайское руководство ставило на первое место классовую борьбу, “примиренческая” идея “соединения двух в одно” была отвергнута, защищавший ее Ян Сяньчжэнь подвергся критике.

Начало преобразований дало стимул быстрому развитию философской мысли в КНР. Ученые призывали поскорее избавиться от заимствованной из советского марксизма 1940–1950-х гг. схемы деления философии на диалектический и исторический материализм. Развернутая на уровне руководства страны дискуссия о “практике как критерии истины” подтолкнула теоретиков к разработке концепции обновленной системы марксистской философии в виде “практического материализма”. В начале 1980-х особый интерес к проблемам человека, гуманизма и отчуждения проявляли не только философы, но и многочисленные представители интеллигенции, молодежь тогда с увлечением читала переводы книг Сартра, Ницше, Фрейда. Отказ руководства КНР от идеи главенства классовой борьбы побудил интеллектуалов к поиску всеобщих характеристик человеческой природы, не ограниченных социальными или классовыми рамками. На первое место вышли гуманистические идеи достоинства человека, его прав и свобод, утверждения ценности личности. Ученые искали ответы на эти вопросы у раннего Маркса, прежде всего в “Экономическо-философских рукописях 1844 года”. Был поставлен вопрос и о том, возможно ли отчуждение человека не только в частнособственническом эксплуататорском обществе, но и при социализме. Про-

никновению этих идей способствовало увлечение зарубежным марксизмом, прежде всего работами Лукача и Грамши.

Власти увидели в этих дискуссиях идеологическую угрозу. В 1983 г. Дэн Сяопин на 2-м пленуме ЦК КПК 12-го созыва сказал, что рассуждения о ценности человека, гуманизме и отчуждении нацелены на критику социализма. По его словам, отвлеченные рассуждения о гуманизме и ценности человека недопустимы, поскольку “все еще есть вредители, новые и старые отбросы общества, анти-социалистические элементы, иностранные и тайваньские шпионы. Жизненный и культурный уровень нашего народа пока невысок. Его не поднимешь разговорами о ценности человека и гуманизме”. Выступление Дэн Сяопина остановило дискуссии на эти темы. В официальном общественном мнении было признано целесообразным выступать против абстрактного гуманизма как мировоззрения и взгляда на историю, обсуждение проблемы отчуждения при социализме сочли и вовсе недопустимым. Это была последняя попытка открытого политического вмешательства руководства в философские споры.

Во второй половине 1980-х гг. главной стала тема китайской культуры. Прозападные интеллектуалы считали ее препятствием для прогресса, они полагали, что традиционное стремление к стабильности ведет Китай к самоизоляции от новых идей, препятствует творческим поискам. Но к концу 1980-х обсуждение современного значения традиционных ценностей привело к позитивной переоценке роли конфуцианства в развитии страны. На фоне подъема консервативной волны в китайской идеологии после драматических событий 1989 г. идея стабильности стала основой для сплочения политической, экономической и интеллектуальной элиты. Сформировалась устойчивая тенденция позитивного переосмысления национальной культуры, сторонники возрождения конфуцианства и китайской культуры подчеркивали всеобщее значение китайской традиции и ее превосходство над западной при решении глобальных проблем.

В научных кругах КНР развернулось изучение творческого наследия представителей течения современного конфуцианства, покинувших материк во время революции. Их труды издавали массовыми тиражами, даже если эти мыслители негативно отзывались о марксизме и власти КПК — как, например, Чжан Цзюньмай. Важным для споров о перспективах китайской философской традиции было ознакомление с трудами ведущего конфуцианского философа второй половины XX в. Моу Цзунсяня, который из-за революции обосновался на Тайване. Параллельно переиздавались подзабытые дореволюционные труды мыслителей-традиционалистов, связавших свои судьбы с народным Китаем (Лян Шумин, Сюн Шили, Фэн Юлань). Из мишени для критики труды современных конфуцианцев превратились в важный интеллектуальный ресурс для развития китайской философии. Это течение не обрело марксистской окраски, однако оно получило возможность занять свою нишу в интеллектуальном пространстве КНР, не вступая в конфликт с официальной идеологией.

Несомненным достижением 1990-х стало разграничение академических исследований и политики. В первые годы реформ ученые пытались выражать новые идеи в рамках марксистской парадигмы, что могло вызвать тревогу властей. Однако по мере профессионализации философских исследований и овладения усложненным терминологическим аппаратом современных западных философских течений, эта проблема утратила остроту. В отличие от общих рассуждений начала 1980-х, понятных и эмоционально близких широкому кругу интеллектуа-

лов, нынешние философские исследования становятся все более специализированными. Они непонятны для окружающих и потому их содержание не воспринимается как угроза в отношении чего-либо.

От критических кампаний и дискуссий 1980-х можно проследить путь эволюции современных пропагандистских концепций. Представляется, что нынешнее официальное неприятие идей “неолиберализма” восходит к осуждению “буржуазной либерализации” в первое десятилетие реформ. Современная критика тезиса о заимствовании в Китае “всеобщих ценностей” может быть связана с выступлениями против “абстрактного гуманизма”. Вместе с тем, гуманистическая проблематика исследований была полностью реабилитирована еще в 1990-е гг., лозунг “человек — основа” обрел ныне нормативный статус.

Развитие философии в КНР сталкивается с трудностями поиска новых теоретических ресурсов и их адаптации к национальной культуре и проблемам страны. Несмотря на былые споры и критические оценки советских учебников, научные работы философов-марксистов из СССР несколько десятилетий служили ценным подспорьем для китайских теоретиков. Теперь этот ресурс безвозвратно утрачен. Развернутая в КНР в начальный период реформ попытка создания обновленной системы марксистской философии в лице “практического материализма” не отброшена в сторону, но и не доведена до конца — создается впечатление, что в этой сфере обсуждают ныне те же вопросы, что и два десятилетия назад.

В Китае продолжается изучение марксистской философской классики. Ученые углубляются в текстологические и понятийные проблемы, обращение к первоисточникам на языке оригинала способствует прояснению незаметных прежде терминологических нюансов. Эти усилия позволяют ретроспективно выявить прошлые недоразумения — бывало, китайские марксисты вели теоретические споры с опорой на неточные переводы, влиявшие на содержание дискуссии. Но понятийно-текстологическое направление в изучении марксистских работ XIX в. дает лишь ограниченные ресурсы для нового творчества. К тому же всеобщая смена терминологии в философии и общественных науках делает эти разработки все менее актуальными — ученые проясняют понятия, которыми их коллеги уже не пользуются.

С первого десятилетия реформ в Китае развивается и набирает силу увлечение западным марксизмом. Однако не решен вопрос о том, как соотносятся между собой марксизм, западная мысль и китайская традиция. Одни ученые призывают смотреть на марксистскую философию в глобальном контексте и стремятся к диалогу с западным марксизмом, другие акцентируют приоритет китайской специфики и проблем развития китайского общества. Идеи западного марксизма, связанные с осмыслением разрушительного влияния общества потребления на человеческую личность, лишь отчасти касаются современных проблем Китая — пожалуй, напрямую они могут быть отнесены лишь к части городского населения. Западный марксизм появился в ответ на проблемы западного общества, при заимствовании этого течения становятся очевидным не только разрыв в уровне материального достатка (по мере развития Китая он будет сокращаться), но и различия в культурном, ценностном и политическом контексте.

В начале 2000-х гг. традиционалисты устремились к возрождению “национального учения” (госюэ) как совокупности идейно-теоретических воззрений и практических навыков, рожденных в процессе развития китайской цивилизации. На этой волне появились призывы отказаться от заимствованного на Западе дисциплинарного деления общественных наук ради воссоздания индивидуальности

и целостности китайской академической традиции. Сторонники *госюэ* захотели вернуться в прошлое и увидеть китайскую мудрость такой, какой она была до появления в Китае на рубеже XIX—XX вв. представлений о философии и логике. В ходе дискуссии о “легитимности китайской философии” прозвучали националистически окрашенные тезисы — дескать, “китайская философия” была создана искусственно в период слабости Китая, когда иностранные державы могли навязать ему свои методы и стандарты в области познания. В качестве интеллектуального эксперимента опыт “очистки” китайской мысли от западных “наслоений” может быть интересным, но он вряд ли способен стать источником для творческого подъема. Современная китайская философия слишком тесно срослась с позаимствованным еще в позапрошлом веке западным сциентизмом, обусловившим в наши дни повышенный интерес китайских исследователей к проблемам философии науки и методологии познания.

Западные течения оказывают огромное влияние на работы китайских философов по проблемам ценностей, культуры и общественного развития, большой популярностью пользуются герменевтика и феноменология. Однако китайские ученые все чаще говорят о том, что углубление теоретической “академизации” принесло негативный результат, ослабив практическую ценность марксистской философии. Спор о том, следует ли изменить траекторию развития знания и “вернуться к реальности”, вряд ли будет решен внутри научного сообщества. Ученые среднего поколения, получившие теоретическую подготовку на Западе, несомненно, будут отстаивать курс на “академизацию”, позволяющий им вести равноправный диалог с зарубежными коллегами. Импульс для поворота может исходить лишь извне. Однако трудно ожидать попыток затормозить процессы “академизации” со стороны властей, поскольку подобное вмешательство нанесет удар по заявленным целям вывода китайских общественных наук на мировой уровень.

Многообразие течений в китайской философии стало реальностью. Однако в последние десятилетия в КНР не видно творческих работ мирового уровня, подобных тем, что появились в 1920–1940-е гг. Основой для взлета китайской философской мысли в республиканский период стал диалог традиций Китая и Запада, стремление к их синтезу. Открытость Китая западным идейным влияниям возросла, углубляется понимание национальной традиции, но повторить и превзойти успехи тех лет пока не удастся. В 1950–1970-е гг. для этого не было условий. Теперь условия для творчества в Китае есть. Но пока не представляется возможным предсказать сроки перехода от нынешнего этапа усвоения иностранного материала, его изучения и подражания ему, к созданию собственных философских работ мирового уровня.

М.Л. Титаренко

Упоминание о Ян Сяньчжэне помогает составить более всестороннее представление о китайской общественно-научной мысли в период после образования КНР. Ян Сяньчжэнь остается недооцененным философом. Но его заслуги не ограничиваются одним лишь участием в дискуссиях о бытии и мышлении, о “соединении двух в одно”. В первой половине 1950-х он выступил с идеей “комплексного экономического базиса”, нацеленной на теоретическое осмысление общества с многоукладной экономикой. Этот аспект наследия ученого важен для понимания современной политики реформ.

Развитие философской мысли в КНР обогатило понятийный аппарат китайской философии. Представляется, что словосочетание “практический мате-

риализм”, о котором говорят современные китайские философы, можно перевести на русский язык как “прагматический материализм”. На глубинном уровне это течение соединяет американский прагматизм с китайской спецификой, оно ставит выгоду на первое место и отодвигает в сторону социальные проблемы.

Большое значение представляет опирающаяся на потенциал китайской традиции дискуссия о природе человека. Мао Цзэдун опирался на учение древнекитайского мыслителя Сюнь-цзы об изначально злой природе человека. Был сделан вывод, что для исправления человека требуется жесткое воздействие извне, править нужно жестким кулаком с помощью диктатуры. Подход Ху Цзиньтао, сфокусированный в концепции “человек — основа всего”, носит комплексный характер, в нем многое заимствовано от конфуцианства, частично — от марксизма. В него вошли идеи возвышения образованных людей, возвышения единства, учет влияния на человека внешней среды. Особая черта китайской политической культуры — это “приближение близких”, выдвижение земляков, товарищей по учебе, родственников на руководящие должности. В Китае этих людей воспринимают как самых надежных и заслуживающих доверия, им открывают путь для приближения к ядру элиты.

Есть одна тема, которая не была затронута в выступлениях, но ее необходимо коснуться — это мощная традиция даосизма. Она выступает для китайской традиции как огромный отвлекающий резервуар, она прививает людям культуру заботы о себе и самосовершенствования, единства индивида с природой. Однако здесь может скрываться и потенциальная опасность. Ведь в случае обострения экологических проблем в КНР даосская культура связи с природой может стать стимулом для оппозиционных идей с “зеленой” окраской.

Ю.А. Дубинин

В наши дни в Китае много говорят о “мягкой силе”. Китай известен своей древней цивилизацией — культурой, философией. На каких ценностях может строиться его современное влияние, что может он предложить сегодня?

А.В. Ломанов

Эта тема волнует китайское руководство, поэтому ее активно обсуждают эксперты. Связь между древними идеями и современной политикой заметна на примере продвижения лозунгов создания гармоничного общества внутри Китая и гармоничного мира вовне. Пропагандистские тексты на эту тему часто обращаются к традиционному наследию. Если иностранцы не вполне доверяют заявлениям китайского руководства о приверженности миру и развитию, их должны убедить афоризмы Конфуция и древних мудрецов, которые говорили о гармонии.

Реплика

Китай продвигает по всему миру Институты Конфуция...

А.В. Ломанов

Продвигает, но это инструмент распространения китайской культуры, а не готовый содержательный ответ на вопрос о том, что эта культура может дать миру. Официально ставится задача вывести в мир достижения китайской культуры, философии и общественных наук. Однако здесь очень трудно найти оптимальный баланс между традиционным и современным материалом. В Китае есть немало ученых, которые усвоили западные научные стандарты, они легко находят общий язык с иностранными коллегами, но в их трудах мало собственно китайского содержания. С другой стороны, есть хорошо образованные традиционалисты и сторонники развития *госюэ*, но они пока не могут представить интерес-

ных глубоких работ, построенных на синтезе культур и способных заинтересовать образованных читателей за рубежом.

О.Н. Борох

Обсуждение итогов развития Китая за минувшие шестьдесят лет дает возможность обратиться к процессам формирования экономической науки в КНР и глубже понять истоки современных реформаторских течений. Исследователи привыкли делить историю этой области знаний в Китае на два изолированных друг от друга периода, противопоставляя экономическую мысль 1950—1970-х гг. научным достижениям периода реформ. Подобный подход помогает выявить заметный рост профессионализма и открытости для взаимодействия с мировой наукой в современных китайских экономических кругах. Однако при этом теряется взаимосвязь дискуссий нынешнего и дореформенного периодов, соединенных между собой стержневой проблемой китаизации зарубежных экономических теорий.

Односторонний акцент на современные достижения китайских экономистов затеняет историческую преемственность в развитии данной области знаний в Китае. Нынешние научные успехи весьма значительны. Вместе с тем, следует помнить, что к началу 1950-х гг. в стране уже существовала развитая инфраструктура в области преподавания и исследования экономической науки. В республиканский период в Китае сформировалось профессиональное экономическое сообщество, появились специализированные экономические журналы, научные и образовательные центры, сложилась система профессионального экономического образования.

По данным исследователя истории китайской экономической мысли Ху Цзичуана, за период с 1919 по 1949 гг. было издано около двух тысяч книг по экономике, число публикаций достигло пика в 1930 г. Появилось большое количество переводов зарубежной экономической литературы. В середине 1930-х гг. в Китае стала выходить разнообразная экономическая периодика, высоким качеством отличались журналы “Цзинцзисюэ цзикань” (“Ежеквартальный журнал экономической науки”), “Цайчжэн пинлунь” (“Финансовое обозрение”). За вычетом периодических изданий по статистике, в 1919—1949 гг. число экономических журналов достигло 111 наименований, хотя выпуск многих из них прекращался в год создания.

Ведущие китайские экономисты республиканского периода получили образование за границей, после возвращения на родину в преподавательской и исследовательской работе им приходилось сталкиваться с проблемой китаизации полученных за рубежом познаний. По данным американского исследователя П. Трескотта, до 1950 г. экономическую теорию изучали в США около 1600 китайцев, из них 1200 на уровне магистратуры и докторантуры. В Америке основными центрами подготовки китайских экономистов были Колумбийский, Гарвардский, Йельский и Висконсинский университеты. Еще около 400 китайцев получили экономическое образование в Европе. К тому же до образования КНР внутри страны экономические дисциплины преподавали более сотни иностранцев, главным образом это были преподаватели миссионерских учебных заведений.

Изменение траектории развития Китая после 1949 г. оказало глубокое воздействие на весь комплекс общественных наук, включая экономическую науку. В начале 1950-х гг. китайские власти приняли решение о реструктуризации общественно-научных дисциплин, направленное на упрочение руководящих позиций марксистской теории. Упразднение ряда дисциплин (социология, политология) заметно повысило статус политической экономии.

Парадигма марксистской политэкономии стала господствующей, возросло влияние советской экономической науки. В 1950-е гг. происходило широкое заимствование советских научных работ и учебников, создавалась унифицированная база для исследования и преподавания политэкономии. Наибольшее влияние на экономическую науку КНР оказали увидевший свет в 1953 г. перевод работы И. Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР” (1952) и опубликованный в 1955 г. перевод советского учебника политэкономии (1954).

Вместе с тем, первые экономические дискуссии 1950-х гг., проходившие в рамках марксистской теоретической парадигмы, были связаны с осмыслением национальной специфики Китая. Хотя в первой половине 1950-х гг. китайские исследователи еще не пытались открыто поставить под сомнение применимость советского опыта, они стремились выявить особенности экономики Китая.

Особый интерес для понимания истории развития китайской экономической науки представляют дискуссии периода “ста цветов”, когда ученые получили возможность открыто высказывать свои мнения. В 1957 г. группа китайских экономистов во главе с Чэнь Чжэньханем выступила с критической оценкой ситуации в области преподавания и исследования экономической науки. Они указали на отрыв науки от реальности, догматическое следование классикам марксизма, стремление использовать в экономическом строительстве готовые советские рецепты, недооценку практического значения концепций и методов “буржуазной науки”, стремление чиновников засекретить важные для экономических исследований данные. Ученые отмечали, что практические организации должны уделять внимание экономической науке, а экономисты — больше соприкасаться с практикой.

Несколько вариантов этого письма были опубликованы в научном журнале “Цзинцзи яньцзю” (“Экономические исследования”) в качестве материала для критики. Кампания осуждения взглядов Чэнь Чжэньхана длилась около полугода, появились десятки статей с осуждением его взглядов. Однако современные китайские авторы признают, что многие поднятые в письме вопросы сохраняют актуальность и поныне. Показательно, что письмо Чэнь Чжэньхана вошло в изданную в 2005 г. антологию классики китайской экономической науки за 100 лет.

Вскоре после дискуссии 1957 г. к проблеме соотношения постулатов советской экономической науки и китайской реальности обратился Мао Цзэдун в “Критических замечаниях по работе Сталина “Экономические проблемы социализма в СССР”” (1958—1959) и “Заметках об учебнике “Политическая экономия”” (1960). Эти критические оценки стали сигналом для формирования видоизмененной парадигмы марксистской политэкономии, соответствующей специфике Китая. Мао Цзэдун подчеркивал важность человеческого фактора и полагал, что советская политэкономия уделяет ему недостаточно внимания. Этот путь китайизации экономической науки был нацелен на укрепление основ мобилизационной экономики с использованием энтузиазма народных масс, он не имел ничего общего с современными экономическими концепциями деятельности индивида в рамках рыночного хозяйства.

Широкомасштабное развитие экономической теории в КНР с опорой на достижения мировой науки стало возможным лишь в конце в 1970-х гг. с началом политики реформ. Вместе с тем, заметный след в развитии китайской экономической науки оставил относительно спокойный период от завершения “большого скачка” до начала “культурной революции”. Китайские ученые смогли развернуть обсуждение проблем товарно-денежных отношений при социализме, темпов

экономического роста, соотношения сельского хозяйства и промышленности. Важный вклад в экономические исследования внес Сунь Ефан, предложивший использовать показатель прибыли для оценки деятельности предприятий.

В начале реформ наследие первых трех десятилетий развития экономической науки КНР не вызывало особого интереса у китайских исследователей, основные усилия были нацелены на преодоление влияния усвоенной в этот период “советской парадигмы”. Теперь ученые стремятся создать единую картину развития экономической мысли в Китае с начала XX в., они ищут в периоде централизованной плановой экономики 1950—1970-х гг. то, что может оказаться созвучным современной ситуации. Это — письмо экономистов 1957 г., работы Гу Чжуня по проблемам товарного производства и закона стоимости, теория производительных сил Ли Пинсиня.

Взгляды, которые в условиях политико-идеологической ситуации первых тридцати лет существования КНР носили маргинальный характер, но были связаны с профессиональной экономической наукой, теперь воспринимаются как часть “мейнстрима” и преддверие современного этапа в развитии научных исследований. В 1950-е гг. отдельные ученые призывали не отвергать целиком современную западную экономическую науку и не копировать без критического осмысления советские разработки. Сходные тезисы в иной форме были высказаны и поддержаны основным течением в экономической науке КНР в 1980-е гг., когда критика “советской парадигмы” разворачивалась на фоне поиска полезных элементов западного опыта ради их использования в интересах Китая.

Носителем традиций “мейнстрима” после образования КНР выступала прежняя “буржуазная профессура”, многие ее представители продолжали преподавательскую и научную деятельность. Оставив сферу экономической теории, они занялись историей экономики и экономической мысли, их усилия способствовали качественному прогрессу в изучении данных дисциплин. Присутствие этих профессоров на экономических факультетах помогало сохранить прежние академические традиции на фоне глубоких социально-политических перемен. Примечательно, что в середине 1950-х гг. китайские экономисты активно обсуждали идеи Дж.М. Кейнса и их применимость в условиях Китая. Можно предположить, что серьезный интерес к кейнсианству в значительной мере был обусловлен широким распространением в республиканский период идей “регулируемой экономики” (*тунчжи цзинцзи*), которые были ближе к плановой, а не к либеральной экономике.

В советском Китаеведении в 1970-е гг. сложилось представление, что перед образованием КНР экономическая наука была “самой отсталой” отраслью знаний, поскольку ученые использовали буржуазные методы и концепции. Однако китайская экономическая наука 1930—1940-х гг. была отсталой в той же мере, в какой эта отрасль знаний была в те годы “отсталой” в США, Великобритании и континентальной Европе, поскольку китайцы учились в лучших зарубежных университетах у известных профессоров.

Концепция “отсталости” экономической науки до образования КНР обесценивает не только “буржуазную науку”, но и творческие поиски китайских марксистов до 1949 г. К примеру, Ван Янань поставил вопрос о создании китайской экономической науки, это важно для понимания проблем китаизации марксизма. В наши дни в Сямэне создан Институт экономических исследователей, носящий имя Ван Янаня, ученые проявляют возрастающий интерес к его наследию. Если же считать сформулированные до 1949 г. экономические идеи Ван Янаня “отста-

лыми” и сосредоточиться лишь на его работах периода КНР, многие ранние творческие взгляды ученого останутся незамеченными, поскольку позднее он адаптировал свои подходы к требованиям нормативной идеологии. То же относится и к обсуждению проблемы китаизации марксистской политэкономии в работах Сюй Дисиня. В целом 1949 г. не может считаться непреодолимым водоразделом в истории развития экономической науки в Китае, поскольку без учета наследия 1930—1940-х гг. трудно составить полное объективное представление о дискуссиях 1950-х.

После завершения “культурной революции” многие профессора дореволюционной формации успели внести свой вклад в обновление китайской экономической науки в период реформ. Профессор Пекинского университета Чэнь Дайсунь, получивший докторскую степень в Гарварде, в начале 1980-х гг. одним из первых предложил использовать достижения мировой экономической науки в ходе социалистической модернизации. У Баосань подготовил в Институте экономики АОН Китая кадры исследователей китайской экономической мысли. Обучавшийся в Гарварде Чжан Пэйган основал в Уханьском университете новое направление исследований — экономику развития, сегодня китайские экономисты рассматривают эту тему в числе наиболее актуальных и перспективных.

Эти ученые не принадлежали к числу ключевых экономистов-реформаторов, однако они внесли важный вклад в сохранение научной среды в высших учебных заведениях и обеспечение непрерывности академической традиции. Они поддерживали интерес к мировой экономической науке, переводили труды ведущих зарубежных экономистов, передавали свои знания студентам. Хотя они не были столь же яркими фигурами, как, например, Ма Иньчу, эти экономисты выступали в качестве носителей научных традиций, их работа в области критики западных экономических теорий и изучения экономической истории опиралась на профессиональное знание первоисточников и владение исследовательской методологией.

За столетие развития экономической науки в Китае представители всех течений ставили на первое место проблему китаизации иностранных учений. Многие проблемы наших дней волновали китайских экономистов еще в первой половине XX в. — это соотношение выгоды и морали, интересов отдельного человека и государства в целом, применимость в китайских условиях западной индивидуалистической предпосылки “экономического человека”. Сегодня в условиях мирового финансового кризиса в Китае вновь обсуждают проблемы устойчивости западной цивилизации и ее недостатки, а споры на эту тему китайские интеллектуалы развернули еще на рубеже XIX—XX вв.

Хотя реформаторский дискурс является в Китае доминирующим и останется таковым в обозримом будущем, исследователям нужно уделить больше внимания проблеме преемственности. Выход за пределы 30 лет реформ, изучение периода КНР в целом, стыковка с научными поисками первой половины XX в. помогут глубже понять истоки нынешних споров, оценить в историческом контексте предлагаемые сегодня китайскими учеными пути решения экономических проблем страны.

В.Я. Портяков

Я хотел бы обратить внимание на ту значительную позитивную роль, которую в развитии КНР сыграли научные дискуссии конца 1970-х — начала 1980-х гг. Такое ощущение, что в этот период — до 6-го пленума ЦК КПК XI созыва (июнь 1981 г.) — дискуссии велись практически свободно. Может быть, не все выносилось в открытые издания, но в огромном количестве журналов и бюллетеней, имевших грифы “ограничено распространением внутри страны” и “для

внутреннего пользования”, обсуждались предельно острые или политически неудобные вопросы, в т.ч. о наличии или отсутствии у социализма реальных преимуществ, о возможности экономических кризисов при социализме и т.п.

А в выработке эффективной стратегии экономического развития, поиске оптимальных для Китая путей преобразования хозяйственного механизма и поэтапного осуществления внешнеэкономической открытости страны особо ценную роль сыграли два еженедельника: “Цзинцзисюэ чжоубао” (“Еженедельник экономической науки”, Пекин) и “Шицзе цзинцзи даобао” (“Вестник мировой экономики”, Шанхай). Оба эти издания были закрыты в мае-июне 1989 г. в связи с поддержкой ими требований политической демократизации страны.

О.Н. Борох

Китайские экономисты внесли большой вклад в разработку концепции реформ на рубеже 1970—1980-х гг., эта тема хорошо изучена отечественными учеными, данному периоду развития экономической мысли КНР посвящены многочисленные исследования. Вклад Сунь Ефана, Дун Фужэна, Сюэ Муцяо и других экономистов, выступивших с реформаторскими идеями в начальный период преобразований, в КНР оценивают очень высоко. Вместе с тем, многие реформаторские идеи того времени уже утратили теоретическую актуальность. Марксисты старшего поколения приложили огромные усилия, чтобы вернуть в экономическую науку понятия прибыли, товара, рынка, которые были вытеснены в предыдущие десятилетия догматическим прочтением классиков марксизма. Но сегодня китайская экономическая наука уже состыковалась с мировой, и задача переосмысления “советской парадигмы” утратила актуальность. В прошлом осталась критика централизованного планового хозяйства, постепенно уходит на второй план проблема переходной экономики.

Акцент на связи экономической мысли республиканского периода, 1950-х гг. и наших дней важен не только потому, что отечественные исследователи уделяли этой теме мало внимания, но и потому, что она становится все важнее для самих китайцев. Несмотря на очевидные различия социально-экономических условий первой половины XX в., периода 1950-х гг. и современного Китая, сегодня, как и в те годы, особое значение вновь обретает проблема адаптации зарубежных концепций к условиям Китая, на первое место выходит задача китаизации мировой экономической науки.

Я.М. Бергер

На этом обсуждение первого блока проблем можно считать завешенным и перейти ко второму блоку — политическим и экономическим проблемам современного Китая.

А.Н. Карнеев

Хотелось бы сказать несколько слов о последнем периоде развития КНР, который связан с приходом к власти так называемого “четвертого поколения руководителей”, а также характеризуется существенными подвижками в положении Китая и китайской экономики в мировой системе и, соответственно, в восприятии этого процесса внутри страны и за ее пределами.

За годы работы генсека Ху Цзиньтао и премьера Вэнь Цзябао Китай, действительно, серьезно нарастил совокупную экономическую, военную и комплексную государственную мощь, что дает основание китайским политологам говорить о необходимости выстраивания системы глобального влияния Китая, которая соответствовала бы новой роли КНР в глобальной экономике. Стабильно растущие

расходы КНР на оборону, составляющие ныне свыше 17% ВВП, позволяют говорить о быстром процессе военной модернизации. Весной этого года министр обороны КНР заявил о планах создания авианосцев, подтвердив тем самым рассуждения зарубежных экспертов о намерении страны форсировать создание “флота открытого моря” и проецировать влияние во всех регионах мира. По мнению независимых экспертов, китайская программа в этой области предполагает создание четырех авианесущих групп. Ряд китайских экспертов в области военной стратегии обсуждают необходимость отказа от “устаревшей” теории оборонительной войны, новые сферы ответственности НОАК, которые будут включать не только территориальное пространство страны, но и так называемые “зоны национальных интересов”. Китай успешно реализует свою космическую программу, в качестве цели на ближайшие годы поставлена задача высадки китайского космонавта на Луне. Пекин также объявил в феврале этого года о целом пакете мер информационно-пропагандистского характера, объемом свыше 6,6 млрд долл., направленных на создание глобальных новостных ресурсов на ведущих мировых языках и всемерное продвижение “мягкой силы” Китая.

Вызывает не меньший интерес и проблема отражения современных процессов в идейной и общественно-политической жизни страны. Китайское руководство допускает теперь весьма широкий спектр мнений и дискуссий практически по всем проблемам развития страны, что, видимо, вслед за ростом благосостояния отражает объективный процесс становления более зрелого и плюралистического общества. Но, с другой стороны, оно хотело бы сохранить политико-идеологический баланс в данной непростой ситуации (вызовы мирового кризиса), а в более широкой перспективе — удержать инициативу в формулировании стратегических целей, в нахождении более “китайского” пути модернизации в условиях глобализации, возможно, “альтернативной глобализации”. Появилось даже специальное выражение, отражающее растущее нежелание китайской элиты мириться с идейной гегемонией Запада в условиях подъема китайской мощи и влияния — это лозунг расширения “*хуаюй цюань*” Китая — “права генерировать свои идеи”, “права на свою повестку дня”. Китайская элита, не собирающаяся довольствоваться для страны только ролью “мировой фабрики”, готова бросить вызов “нормативной власти” Запада. Теперь это становится более реальным, чем раньше. Глубина мирового финансового кризиса подорвала казавшееся ранее непоколебимым доверие к тому, что западные модели дают наиболее правильный образец экономического и социального развития. Тупик, в который зашла политика неоконсерваторов из прежней администрации Дж. Буша на Ближнем Востоке и в Африке, дополнительно подчеркивает привлекательность так называемого “Пекинского консенсуса”.

Китайское руководство и политическая элита, которые последние годы только и делают, что дебатировать вопрос о формате и особенностях “подъема страны”, безусловно, с приходом мирового кризиса получили дополнительную передышку, чтобы осмотреться и внимательно проанализировать открывающиеся опции и варианты дальнейшей стратегии.

Тактика администрации президента Б. Обамы, сосредоточившейся на более прагматическом (и даже в каком-то смысле эгоистическом) отстаивании национальных интересов, иногда вразрез с провозглашающимися принципами борьбы с протекционизмом и проч., также усиливает в мире понимание и привлекательность китайской модели.

В 1989 г. после драматических событий на площади Тяньаньмэнь Дэн Сяопин выдвинул свою знаменитую формулу из 28 иероглифов, ставшую своего рода дипломатической мантрой пост-дэновского руководства в выстраивании отношений страны с окружающим миром: “хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям”. В условиях 1989 г. формула Дэн Сяопина, получившая широкую известность в сокращенном виде как “*тао гуан ян хуэй*” (“скрывать свои возможности и не высовываться”), безусловно, имела свою применимость. Теперь же в китайских СМИ звучат призывы к творческому “преодолению”, “снятию” формулы “дипломатии с поджатым хвостом”. Тем более, что, по мнению ряда китайских ученых, этимология дэновского высказывания намекала на некий стратегический замысел, что вызывало настороженность иностранных партнеров. Похоже, что именно сегодня, в разгар мирового кризиса у китайского руководства появился, наконец, удобный контекст для того, чтобы дипломатия “скрывания своих возможностей и невысовывания” уступила место другим, гораздо более активным формам продвижения влияния Китая в мире. Как отмечают китайские политологи, объем и степень вовлеченности Китая в глобальные проблемы стимулируют такого рода трансформацию. Например, вызвавшие столь большой резонанс китайские предложения о новой наднациональной резервной валюте очевидно отражают крайнюю степень беспокойства относительно того, что может произойти с накопленной Китаем огромной суммой обязательств американского казначейства.

В июне этого года дискуссия вокруг формулы Дэн Сяопина обострилась после выступления в США бывшего посла КНР во Франции, ректора Дипломатического института У Цзяньмина, который заявил, что Китаю нужно придерживаться формулы “скрывать свои возможности и не высовываться” еще как минимум сто лет. На лекции, посвященной 60-летию дипломатии Нового Китая, У Цзяньмин отметил, что сейчас, когда подушевой ВВП Китая составляет только 3 тыс. долл., Китаю не следует прибегать к жестким мерам в отстаивании своих национальных интересов, так как это дополнительно усилит опасения иностранцев в отношении “подъема Китая”. Китайская блогосфера отреагировала на выступление У Цзяньмина волной гневных комментариев, главной темой которых стало развенчание формулы “*тао гуан ян хуэй*” как идеологии современных либералов-западников, стоящих на позициях продажи национальных интересов международному капиталу. По всей видимости, фактор общественного мнения, даже когда оно не соответствует линии официальных властей, будет возрастать в ближайшие годы.

По мере того, как кризис проявляет себя вне и внутри Китая, в интеллектуальных кругах также становится все более оживленной полемика о роли и месте Китая в мире, об отношениях с Западом, дальнейшей стратегии встраивания в глобализацию и мировой порядок и т.д. С другой стороны, феноменом современного Китая стала поляризация идейных позиций среди системных сил, активизация протестных настроений, усилившийся в условиях роста безработицы и прочих социальных проблем интерес в обществе к идеям так называемых “новых левых”.

Феномен “новых левых” проявил себя еще с середины 1990-х гг., однако, их влияние не было слишком сильным, особенно если учесть стремительное экономическое развитие Китая вплоть до начала кризиса. Особенность нынешнего этапа состоит в том, что идеи, отстаивавшиеся новыми левыми, сейчас наклады-

ваются на широко распространенные чувства беспокойства и социального недовольства в связи с экономической и социальной неопределенностью.

“Новые левые” состоят из нескольких групп интеллектуалов, и среди них тоже есть различные течения — от идей, близких европейской социал-демократии, до постмодернистов, антиглобалистов и, наконец, националистов. Среди “знаковых” фигур этого движения часто называют, например, таких интеллектуалов среднего и молодого поколения, как Цзо Дапэй (сотрудник АОН КНР), Цуй Чжиюань (профессор университета Цинхуа), Ван Шаогуан (профессор Китайского университета Гонконга), Гань Ян (Гонконгский университет), Лан Сяньпин (известный экономист и автор популярных телепередач по экономическим проблемам), Вэнь Тецзюнь (профессор Народного университета). Наиболее широко известным представителем течения считается философ и культуролог, профессор Университета Цинхуа Ван Хуэй.

Сторонники течения “новых левых” поддерживают монополию правящей партии. Распад Советского Союза, как правило, вызывающий положительные эмоции у китайских либералов, у левых вызывает противоположные чувства. Они считают этот урок великим предостережением для Китая, который тоже испытывает давление центробежных сил. Лозунг эпохи Дэн Сяопина “стабильность превыше всего” в целом разделяется “новыми левыми”, с подозрением относящимися как к призывам еще больше либерализовать экономическую систему, так и к западным моделям демократической политической системы. Наоборот, некоторые из них считают важным усиливать роль государства в процессе экономических преобразований. Часть “новых левых” хотела бы видеть элементы традиционной китайской культуры и философии в качестве базовых принципов государственного строительства внутри страны и в качестве компонентов новой политической архитектуры на международной арене.

Одним из своеобразных феноменов идейно-политического развития стало возрождение культуры “салонов”, где представители научной и творческой интеллигенции собираются для обсуждения злободневных вопросов, и все желающие могут придти послушать и принять участие в обсуждении. Одним из наиболее известных центров такого рода стала компания “Утопия”, представляющая собой “салон”, дискуссионный клуб, книжный магазин и довольно крупный интернет-сайт с ежедневно пополняемым контентом. Находящаяся в северо-западной части Пекина, в районе Хайдянь, в непосредственной близости от кластера ведущих китайских университетов, “Утопия”, созданная в 2003 г., представляет собой бастион движения “новых левых”. В качестве двух основных принципов, объединяющих авторов, связанных с клубом, “Утопия” называет приверженность социализму и “патриотизм не за госсчет” (*цзыцзфэй айгоцжуи*). Острота полемики, откровенность публикаций, контрастирующих с официозными изданиями, хотя не являются чем-то совсем новым для Китая, но, безусловно, привлекают внимание множества пользователей сети. О накале идейно-политического противоборства в среде китайской интеллектуальной элиты свидетельствует, например, постоянный поток взаимных оскорблений, которыми обмениваются “левые” с такими изданиями, как, скажем, журнал “Яньхуан чуньцю”. Руководство “Утопии” обвиняет своих оппонентов, помимо прочего, в клевете с целью спровоцировать власти закрыть клуб, в попытках расправиться с “Утопией” с помощью оргпреступных группировок и т.д.

Другим набирающим силу течением современной общественной мысли является национализм, иногда выступающий в тандеме или в рамках течения

“новых левых”, но в последнее время все более явственно находящий свое собственное звучание. Заметным событием кризисного 2009 г. стала полемика вокруг вышедшей весной этого года книги “Китай недоволен” (*Чжунго бу гаосин*). Книга уже побила все рекорды популярности и вызвала немалый международный резонанс. Другой бестселлер последнего времени — книга “Валютные войны” (*Хоби чжаньчжэн*) — разоблачает эгоистическую политику правящих кругов Запада (в первую очередь США) в области международных финансов и тем самым также призывает руководство КНР к более независимой от Вашингтона стратегии.

У наблюдателей, следящих за политическим развитием современного Китая, ажиотаж вокруг книги “Китай недоволен” должен был вызвать чувство *дежа вю*. Чуть больше десяти лет назад почти такой же сенсационный резонанс произвела книга “Китай может сказать нет”, ставшая манифестом так называемой “рассерженной молодежи” (*фэнь цин*). Естественно, что сказать “нет” ее авторы призывали странам Запада, и в особенности — США. Нынешний бестселлер отчасти принадлежит перу тех же авторов, что участвовали в написании “Китай может сказать нет”. Но все же, если в 1996 г. “рассерженные молодые люди” в основном выплескивали эмоции в связи с враждебной позицией Запада по отношению к “подъему Китая”, то нынешняя книга содержит уже более четко артикулированные цели развития “китайского национализма” и задачи “достижения Китаем лидерства” в современном мире. Так, по мнению одного из столпов современного китайского национализма Ван Сяодуна, особой миссией Китая является превращение в сверхдержаву.

Интересно, что хотя острие атак китайских националистов направлено против Запада и его представителей в самом Китае — китайских либералов, авторы книги не отрицают необходимости большей демократии внутри страны. В связи с этим они выдвигают парадигматический лозунг *дуй нэй сю миньцюань, дуй вай чжэн цзуюцюань* — “внутри страны отстаивать права человека, за рубежом страны — бороться за права [китайской] нации”. Текст книги наполнен также призывами преодолеть “национальное пораженчество”, бороться с тлетворным влиянием “так называемых элит” (китайских либералов, близких к власти), с “пятой колонной”, занять более твердую позицию по отношению к поддержке Западом так называемых “антикитайских сил”, вести воспитание в плане создания “воинственной нации”, “корпуса героев”, “вести торговлю с мечом в руках”, всемерно укреплять НОАК, которая “должна быть везде, где есть национальные интересы Китая” и т.д.

Официальные китайские СМИ сдержанно комментируют дискуссию вокруг “Недовольного Китая”, большая часть опубликованных материалов содержала оценки вышеуказанных настроений как проявлений молодежного максимализма, “незрелого патриотизма” и “узкого национализма”. Часть комментаторов объясняла подоплеку появления данного политического памфлета “именно в это непростое время” как всего лишь желание извлечь коммерческую выгоду из предшествовавших пекинской Олимпиаде столкновений китайского и западного общественного мнения по поводу бойкота игр, вызвавших серьезный всплеск патриотических и ксенофобских настроений в китайском обществе.

Безусловно, данная полемика показала растущий в нем градус патриотических и националистических настроений в китайском обществе, проявившихся на фоне новой конфигурации мировой политической арены и самоутверждения страны как все более важного и самостоятельного игрока на глобальном уровне.

А.С. Крушинский

Как воспитанники советской школы китаеведения мы обычно уделяем большое внимание партийным и правительственным документам Китая. Демонстрируя искусство чтения “между строк”, углубленно анализируем риторику съездов и пленумов КПК, сессий ВСНП. В отличие от нас западные аналитики не сильны в толковании “социализма с китайской спецификой” или “общества малого благоденствия”, в большинстве случаев равнодушны к идейным новациям относительно “гармоничного общества” или лозунга “основа основ — человек”.

Попытки постичь “китайское экономическое чудо”, игнорируя мотивировки и целевые установки, формируемые непосредственно в Китае, и базируясь на концепциях американско-европейского политического и экономического либерализма, чреваты ошибками. Но этот “неформальный” подход подчас помогает сосредоточиться на фактах, вынести независимые, с “глобальных” высот умозаключения.

Характерный представитель “аналитиков-неформалов” — Найэл Фергюсон. В трех десятках его журнальных, газетных и телевизионных выступлений на китайскую тему, что скопились в моем досье, нет упоминаний о “четыре модернизациях” или “тройном представительстве”, как и комплиментов Дэн Сяопину, но зато выявлен немаловажный аспект “китайского чуда”.

Фрондерствующий ученый, яркий остролов-полемист (афористичностью смахивающий на Оскара Уайльда), он удостоился места в реестре “ста влиятельнейших персон мира” журнала “Тайм” за 2004 г. (куда из россиян попал лишь В.В. Путин). От коллег снискал противоречивые характеристики (“историк-ревизионист”, “пламенный фальсификатор”, “гуру финансового кризиса”...) К своим 45 годам успел выпустить добрый десяток фолиантов: о первой и второй мировых войнах, о британской и американской империях, двухтомную “сагу” о банкирах Ротшильдах, исследования по истории денег, о финансовой истории мира и пр.

Своим влечением к истории Фергюсон обязан, по его признанию, роману Толстого “Война и мир”, прочитанному еще в годы отрочества. Интересом к Китаю проникся, перебравшись из Англии в США: в 2002 г. он становится профессором истории в Гарварде, а пять лет спустя... “открывает Чимерику” (сконструировано из английских слов China, America). Тем самым он обогатил экономическую науку термином, коего не ведали ни Карл Маркс, ни Адам Смит. Кстати, словотворчество — хобби Фергюсона: изобрел же он, когда писал о Британской империи, словосочетание “англобализация мира”...

Презентация “Чимерики” состоялась в феврале 2007 г. — в статье, написанной совместно с берлинским экономистом Шулариком. Вышла в двух вариантах: научно-публицистическом (в “Уолл-стрит джорнэл”) и сугубо научном — с графиками и математическими выкладками — в сети Интернет. Предпосылкой феномена авторы сочли экономическую глобализацию, лейтмотив которой, по их оценке, — “интеграция массивной азиатской рабочей силы в мировую экономику”.

Плоды этой интеграции авторов изумили, вынудив усомниться в некоторых аксиомах: “образовался огромный перекосяк в относительной прибыльности труда и капитала; доходность последнего возросла на 25%”. Одновременно обнаружилось нечто несообразное — “вопреки экономической теории, стоимость капитала, измеряемая реальными долгосрочными учетными ставками, стала падать...”.

Вторжением в мировую экономику дешевого, но квалифицированного азиатского (прежде всего, китайского) труда феномен не исчерпывается. “Китай — аккумулируя крупные финансовые резервы и размещая их почти ис-

ключительно в ценных бумагах правительства США — удерживал номинальные и реальные долгосрочные учетные ставки на заниженном уровне. — Продолжают авторы. — Этот “клин” между доходностью и стоимостью капитала, как мы полагаем, в большей степени, нежели избыток ликвидности или дефицит активов, объясняет бум на глобальных рынках активов и нынешний рост покупательской активности” (речь пока что идет о ситуации в “предкризисные” 2005-2006 гг.).

Наукообразная стилистика в обоих вариантах статьи перемежается (что характерно для Фергюсона) с полу-беллетристикой. Строки, в которых живописуются реалии “Вест-Чимерики” (США) и “Ист-Чимерики” (Китая), подстать “гулливериаде” Джонатана Свифта:

- вест-чимериканцы — богачи и гедонисты, среднедушевой доход ист-чимериканцев достигает лишь 16% от их уровня;

- обе части Чимерики органично одна другую дополняют: вест-чимериканцы — мастера в управлении бизнесом, в маркетинге и финансах, ист-чимериканцы заняты техникой и производством;

- расточительные вест-чимериканцы ненасытны на всякую всячину (gadgets), массово производимую на Востоке — покупают и покупают, ни единого пенса не откладывая впрок;

- бережливые ист-чимериканцы предпочитают сберегать треть своих доходов и ссужают их вест-чимериканцам, финансируя покупку оными “всякой всячины”, благодаря чему имеют рабочие места;

- тем самым ист-чимериканцы формируют огромный торговый профицит, который тут же возвращается в Вест-Чимерику;

- переводя весь этот профицит через государственные институты в государственные ценные бумаги, Ист-Чимерика стимулирует снижение ключевых долгосрочных учетных ставок в Вест-Чимерике...

Авторы делают оговорку, что Чимерика может рассматриваться как целостная система лишь с экономического, но не с “монетарного” угла зрения: ист-чимериканцы оперируют юанем, вест-чимериканцы — долларом. Но масштаб финансовых операций между ними “достиг уровня, какой бывает лишь внутри национально-государственных границ”.

Свою концепцию аналитики подкрепили остроумным расчетом. Мол, в последние годы (т.е., еще в период перед 2007 г.) золотовалютные резервы КНР росли в среднем на 200 млрд долл. ежегодно, достигнув уровня 40% ВВП. А казначейство США — вкупе с независимыми агентствами — теми же темпами выпускало долговые обязательства с государственным обеспечением (*Treasury Securities + Agency Debt*): 220 млрд долл. в 2005 г. и 195 млрд — в 2006-м. Отсюда вывод: “Введя в расчет размер непогашенной задолженности по этим бумагам по состоянию на конец 2006 г. (около 6 трлн долл.), мы обнаружим, что (если Пекин действительно держит около 90% своих золотовалютных резервов в американских активах), в его владении уже сегодня — 15% всех ценных бумаг, обеспеченных активами США”.

Как видим, термин “Чимерика” не идентичен идее “G-2”, “презентованной” полутора годами позднее в статье директора Института международной экономики им. Петерсона (США) Фреда Бергстена, напечатанной в журнале *Foreign Affairs* (№ 4 за 2008 г.) и сразу же взятой на вооружение Збигневом Бжезинским. Бергстен — Бжезинский ратуют за своего рода американо-китайский союз (экономический и политический), с возможностью его институционального оформления. А Фергюсон — Шуларик схематично описали один из факторов экономической глобализа-

ции, выразившийся в потребительской горячке американцев, подкрепленной тамошними “финансовыми пузырями” а также в дешевизне труда в Китае и других странах Азии (породивших своего рода “пузырь ширпотреба”).

Плюсы и минусы обнаруженного ими финансово-экономического симбиоза Фергюсон с Шулариком оценивают через специфику учетных ставок, “кривые” доходности и стоимости капитала, объемы “бездействующей” денежной массы, ценность “ценных бумаг”. Нить их логики способна завести в странные лабиринты: вплоть до подозрения, будто американская валютная пирамида — чуть ли не “китайской бережливостью” порождена. Это, впрочем, Фергюсон сам же заблаговременно отверг — в пророческой статье для “Нью-Йорк таймс” с предсказанием нынешнего кризиса (апрель 2003 г), озаглавленной: “Истинная цена гегемонии — огромные долги”:

“В пору расцвета европейских империй, когда Британия контролировала большую часть Ближнего Востока, предполагалось, что господствующая держава должна быть кредитором, а не должником. Гегемония власти означала также гегемонию денег. Однако сегодня Америка, свергающая “режимы-изгои” — сначала в Афганистане, теперь в Ираке — самый большой в мире должник... Что, если иностранные инвесторы решат сократить свои доли в американской экономике, обменяв доллары на крепнущие евро? Иностранные инвесторы сейчас претендуют примерно на 8 трлн финансовых активов Америки”.

Но неведение о съездах и пленумах КПК, об ее идеологических кампаниях (как и о жизни китайцев) дало о себе знать. Как свои пять пальцев постигнув реалии “Вест-Чимерики”, Фергюсон об “ист-чимериканцах”, не будучи синологом, судит поверхностно. Все ли они, как на подбор, бережливы? Если бы было так, то каким образом тамошние рекламные компании только за 2008 г. заработали... 190 млрд юаней (27,8 млрд долл.)? Вестернизированных “гедонистов” — и в Китае хоть отбавляй, причем нормы общества потребления там поощряются сверху. В ходу изощренные меры — макроэкономические и пропагандистские — чтобы население не хранило деньги в банках, но как можно активнее тратилось на товары и услуги: в этом, мол, таится рычаг экономического роста. (“Тратьте, тратьте, тратьте!” — призывала сограждан на пике нынешнего кризиса пекинская англоязычная газета “Чайна дейли”). Бережливость, принесшая рекордные золотовалютные резервы Китая, следовательно, — не природное свойство “ист-чимериканцев”, но один из факторов внешнеэкономической партийно-правительственной стратегии КНР.

Есть, впрочем, в анализе Фергюсона пробелы посерьезней.

В 1997 г. вышла его “Виртуальная история: альтернативы и контр-факты” (“Virtual History: Alternatives and Couterfactuals”). Каждая глава — есть эссе о каком-то известном историческом событии с попыткой уяснить, каким стал бы ход истории, если бы оно получило альтернативный поворот (*Какой могла бы стать английская Америка, не случись Американской революции? Что, если бы немцы вторглись в Англию в 1940 г... или если бы Джон Кеннеди остался жив? Как повернулась бы мировая история — не случись в 1989 г. “коллапса коммунизма”? И т.д.*) В некоторых случаях такие экскурсы в прошлое помогают точнее оценивать настоящее...

Задайся Фергюсон вопросом, как могла бы выглядеть сегодня “восточная часть Чимерики”, не случись распада СССР, он обнаружил бы дополнительные (сверх трудолюбия “ист-чимериканцев” и дешевизны “азиатского труда”) причины замечательной конкурентоспособности Китая на внешних рынках (как и его внутренней стабильности) — особое преимущество, какого не имеют ни Индия,

ни Малайзия, ни Вьетнам (где рабочая сила тоже дешева). Благодаря огромной протяженности границы с Россией и странами Средней Азии (и хаосу, воцарившемуся на этом пространстве после распада СССР) там открылись необъятные рынки для китайского ширпотреба (даровавшие “ист-чимерикам” миллионы рабочих мест) и... источники очень дешевого сырья.

Таким образом, из-за незнания реалий Китая и его соседей тандем аналитиков упустил из виду немаловажное обстоятельство: “удешевление капитала” в рамках феномена “*Чимерики*” обусловлено дешевизной не только “азиатского труда”, но и... сырьевых ресурсов постсоветского пространства, что вскрывает роль России и ряда других стран СНГ в нынешнем “экономическом чуде” КНР — втором в ее 60-летней истории.

Первое из них, выразившееся в стремительном восстановлении народного хозяйства и достижениях 1-й пятилетки, имело место на заре Нового Китая и было нераздельно с щедрой помощью СССР. “Чуду № 2” содействуют Россия и другие “осколки” СССР, “щедрость” коих есть уже не плод осознанной политики, но результат неблагоприятного для них стечения исторических обстоятельств. Как бы то ни было, и к феномену “Чимерики” мы, оказывается, причастны (чего ее “первооткрыватели”, не будучи синологами, не заметили).

Я.М. Бергер

Экономические достижения КНР за годы ее существования, прежде всего за последние три десятилетия реформ и открытости, можно кратко суммировать следующим образом:

- Созданы основы многоукладной рыночной экономики. Роспуск народных коммун и замена их семейным подрядом сформировали мелкокрестьянскую экономику в деревне. Реформирование государственных предприятий повысило их самостоятельность и эффективность как субъектов рынка. Становление негосударственных секторов способствовало развитию внутренней конкурентной среды и расширению эффективной занятости. Привлечение в страну иностранного капитала укрепило позиции КНР на мировых рынках, стимулировало технологический прогресс.

- Частично сформирован рынок факторов производства, включая рынки труда, капитала, технологий, информации. В меньшей степени сфера его действия распространяется на землю и финансовые ресурсы.

- Намного повысилась роль рыночного механизма ценообразования. В сфере государственного контроля остаются лишь процентные ставки, тарифы на электроэнергию и воду, цены на нефтепродукты и коммунальные услуги, тогда как на подавляющее большинство товаров и услуг цены определяет рынок. Макроэкономическое регулирование государство осуществляет, опираясь, главным образом, на бюджетную и монетарную политику. Директивное планирование сменилось планированием индикативным и программированием.

- Достигнуты высочайшие темпы экономического развития на протяжении длительного исторического периода. С 1978 по 2007 гг. они составили 9,8%, что более чем втрое выше, чем в среднем по миру. В результате китайская экономика переместилась с десятого места в мире на четвертое, после США, Японии и ФРГ. При этом с ФРГ Китай практически сравнялся, а Японию он настигнет в течение одного-двух лет. В долларовом выражении объем ВВП в Китае составляет 23% от объема ВВП США, 74,9% от ВВП Японии и 99,5% от ВВП ФРГ. Доля Китая в мировом ВВП повысилась с 1,8% до 6,0%. По многим показателям производства Китай вышел на первое место в мире.

- Объем товарного экспорта и импорта возрос с 20,6 млрд долл. в 1978 г. до 2173 млрд долл. в 2007 г., или в 105 раз, что позволило Китаю выйти на третью позицию в мире, а по объему золотовалютных ресурсов, достигших в 2008 г. почти 2 трлн долл., — на первое место.

- Китай стал мировой фабрикой. Быстро развиваются многие высокотехнологичные, наукоемкие отрасли производства, космонавтика.

- Намного повысился материальный уровень жизни народа. Численность населения, живущего в условиях абсолютной нищеты, сократилась более чем десятикратно: с 250 млн чел. до 20 млн.

- Коренным преобразованиям подверглась система распределения. Наряду с распределением по труду действует распределение по другим факторам производства: капиталу, обладанию технологиями, управлению.

Потенциал дальнейших перемен в экономике и общественной жизни страны, в ее взаимоотношениях с внешним миром далеко не исчерпан. С началом XXI в. Китай вступил в новый этап своего развития, для которого характерны и новые, возросшие возможности, и новые вызовы и риски. Все они требуют неординарных, инновационных решений и новых реформ. Их конкретное содержание будет определяться в пошаговом режиме, с учетом многих привходящих обстоятельств. Загодя можно лишь назвать основные реперные точки, от которых станет формироваться будущий курс, и некоторые жизненно важные для страны балансы, которые он ни при каких условиях не может нарушить. Вот некоторые из них.

- *Демографическая политика.* В связи со старением общества и сокращением занятости нагрузка на работающее население, начиная с 2013 г., начнет возрастать. Однако, нынешний курс, направленный на сдерживание демографического роста, будет, скорее всего, в основном продолжен, хотя некоторые послабления, не меняющие основные позитивные и негативные эффекты, возможны.

- *Занятость.* Обеспечение работой многомиллионного населения — одна из важнейших задач экономической стратегии Китая. По самым оптимистичным прогнозам, при сохранении нынешнего показателя эластичности занятости (отношение темпов роста рабочих мест к темпам роста ВВП) на уровне 0,1 дефицит рабочих мест в 2010—2020 гг. будет не меньше 40 млн. Избыток рабочей силы — мощный дополнительный стимул для перестройки отраслевой структуры экономики в пользу развития сектора услуг.

- *Темпы роста.* Высокая динамика китайской экономики достигнута в значительной степени ценой очень больших материальных и нематериальных затрат. В дальнейшем темпы придется понизить, как минимум, в полтора раза, но они не должны быть ниже 7—7,5%, чтобы не обострить проблему занятости, не затормозить урбанизацию и рост благосостояния населения.

- *Двигатели роста.* Главными двигателями роста наряду с инвестициями и экспортом все больше выступают внутренний спрос и научно-технический прогресс. Важнейшее значение приобретают вложения в человеческий капитал, повышение качества рабочей силы. Основным потребителем товаров и услуг становится городской средний класс, который нередко рассматривается как экономическая и политическая опора режима.

- *Социальные программы.* Китай довольно долго уделял социальной защищенности населения сравнительно скромную часть своих ресурсов. Сегодня появилась возможность и готовность несколько выправить ситуацию. КНР предстоит стать действительно социальным государством, остановить углубление со-

циальной дифференциации, обеспечить, “совместную зажиточность” и построение “гармоничного общества”, обещанные XVII съездом КПК.

- *Деревня.* Центральным звеном в строительстве “общества среднего достатка” и “гармоничного общества” является развитие деревни. Требуется, во-первых, резко сократить численность населения, занятого в сельском хозяйстве, переместив преобладающую часть в отрасли с более высокой производительностью труда, и, во-вторых, принципиально изменить условия труда и производства для остающейся части сельскохозяйственного населения таким образом, чтобы его производительность не уступала городскому. На выполнение этой задачи понадобится, скорее всего, не менее полувека.

- *Бедность.* Несколько сотен миллионов человек, прежде всего в деревне, относятся к категории бедного или получающего низкие доходы населения. Поэтому преодоление бедности в Китае, несмотря на большие успехи в ее сокращении, нельзя еще считать завершенным, особенно в отсталых и отдаленных районах

- *Ресурсы и экология.* Одна из важнейших задач экономической стратегии на перспективу — существенное сокращение потребления энергии в расчете на единицу ВВП и уменьшение загрязнения окружающей среды. Для решения этой задачи будет задействована значительная часть научно-технического потенциала.

- *Земля.* Поступательная урбанизация и связанное с ней расширение площади городской и дорожной застройки оказывают растущее давление на существующий пахотный фонд. Это, с одной стороны, ведет к обезземеливанию части крестьян, а с другой — может подорвать продовольственную безопасность. Спекуляция землей стала за последние годы одним из главных источников легального или нелегального обогащения и коррупции. Поэтому сохранение пахотного фонда в условиях рынка и интенсивной урбанизации представляет собой непростую задачу.

- *Регионы.* Проблема выравнивания условий развития в территориальном разрезе сохранит свое значение на достаточно долгий срок.

Дальнейшее развертывание экономической стратегии Китая неуклонно усиливает ее геополитические аспекты. Поле для возможных трений и конфликтов расширяется. Увеличение территориального ареала для развития китайской экономики далеко за ее государственными границами обуславливает необходимость наращивания военного потенциала, особенно военно-морского флота и авиации, что неизбежно повышает настороженность конкурентов. Обостряется соперничество на мировых рынках энергии и сырья, товаров и услуг, капитала и рабочей силы. Все это усиливается по мере выдвигания Китая на позиции ведущей мировой державы. В Китае все чаще говорят о возможности не только вооруженных конфликтов, но и полномасштабной войны. При этом угрозы усматриваются как со стороны Запада, так и со стороны других крупных стран АТР — Индии, Японии, с которыми у Китая сохраняются территориальные и иные споры. Китай, несомненно, нуждается в сохранении мирной обстановки для поддержания своего долговременного устойчивого развития. Однако обеспечить ее будет нелегко. Многие китайские аналитики постоянно напоминают о том, что аналогичные смены мировых лидеров в прошлом не обходились без серьезных потрясений.

Теперь мы можем постепенно перейти от внутривнутриполитических и экономических сюжетов к проблемам международных отношений и внешней политики.

С.Г.Лузянин

В публицистическую и популярную литературу прочно вошел термин “китайское экономическое чудо”, под которым подразумевают успешную реали-

зацию китайским руководством, начиная с 1978 г., стратегии реформ и открытости. Мировая экономика знала внешне схожие явления, связанные с “японским экономическим чудом” 60—70-х гг. XX в., развитием новых индустриальных стран “первой волны” (НИС — 1) — Сингапур, Южная Корея, Гонконг, Тайвань в 80-е годы и “второй волны” (НИС — 2) — Таиланд, Индонезия, Филиппины, Малайзия в 1990-е гг., быстрым экономическим развитием ряда стран Латинской Америки (Бразилия, Аргентина, Чили). Вместе с тем, очевидно, что китайская экономическая модернизация по масштабам, методам реализации, характеру преобразований, целям и ресурсам принципиально отличается от мирового опыта экономических “прорывов”. В настоящее время, в условиях негативного воздействия мирового финансового кризиса на ведущие страны, КНР, находясь под его влиянием, демонстрирует эффективную стратегию противодействия кризису, основанную на поддержке реальной экономики у себя в стране, развитии инфраструктуры, социальной сферы.

Важным в данном контексте представляется развитие концепции социализма и ее интерпретации на различных уровнях в Китае. Составной ее частью являются доктрины видных современных китайских политиков — бывшего руководителя Китая Цзян Цзяминя (теория “трех представительств”) и нынешнего председателя КНР и Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао (“научная концепция развития”). Одновременно среди китайских ученых и экспертов идет оживленная дискуссия по поводу сроков, содержания и основных приоритетов строительства социализма с китайской спецификой.

Эпицентр данного теоретического дискурса, как известно, сложился вокруг проблемы соотношения между “социализмом” (*шэ*) и “капитализмом” (*цзы*) в современном Китае. XVII съезд КПК подтвердил тезис о том, что построение социализма с китайской спецификой увязывается с выполнением трех “великих исторических задач”: 1) осуществлением модернизации; 2) завершением воссоединения Родины; 3) защитой мира во всем мире при стимулировании совместного производства.

Научная концепция развития официально объявлена основой построения в Китае мощного, богатого, гармоничного социалистического общества. Одновременно выдвижение этой концепции означает появление новых акцентов и интерпретаций в реализации стратегии реформ — отход от односторонних экономических приоритетов и переход к более гармоничной политике, которая во главу угла ставит “человека как основу основ” и требует всестороннего гармоничного и устойчивого развития. Можно сказать, что тезис о “научной концепции развития” — это системный взгляд на возникшие в ходе проведения политики реформ и открытости проблемы, продуманная реакция ЦК КПК на дальнейшую стратегию и тактику развития КНР.

Суммируя 30-летний путь экономических реформ в КНР, можно определить следующие ключевые позиции по данному вопросу.

Во-первых, проблема повышения конкурентоспособности китайской экономики на международном рынке через дальнейшее реформирование внешней торговли и создание экономики “открытого типа”. В условиях воздействия мирового финансового кризиса этот процесс имеет свою специфику. Тем не менее, реформирование внешней торговли в Китае позволило избежать неконтролируемой либерализации валютных операций, которые в странах СНГ и Восточной Европы, как известно, привели в условиях гиперинфляции к вытеснению национальных валют и изменению валютной структуры сбережений в пользу ино-

странной валюты. В целом система регулирования внешней торговли в Китае к настоящему времени стала значительно либеральнее и прозрачнее, чем в предыдущий период. Однако Китай сохранил часть инструментов административного регулирования в области внешней торговли, а также часть экономических регуляторов, позволяющих ему маневрировать в условиях либерализации внешней торговли и включения в глобальные экономические и интеграционные процессы.

Во-вторых, темпы экономического роста сами по себе неспособны обеспечить устойчивое развитие, разрешить нарастающие противоречия. В нынешних условиях финансового кризиса экспортно-ориентированная модель развития Китая будет существенно видоизменяться. Очевидно, что одновременно с сокращением китайского экспорта на американском, европейском и азиатском направлениях усиливается внимание к развитию внутренних рынков, собственных инноваций. Прежний курс постепенно дополняется стратегией современного неоиндустриализма, которая во внешнеэкономической области подразумевает использование интенсивных факторов роста, формирование “новой экономики”, базирующейся на знаниях и собственной инновационной составляющей.

В-третьих, возникает вопрос об оптимальном сочетании этатизма (степени участия государства в экономике) и рыночных механизмов в развитии экономики и постиндустриального общества. Реформа системы собственности — не самоцель, скорее метод, а изменения в этой системе будут происходить и дальше при важнейшей регулирующей роли государства. Проблема в том, какая стратегия, в конечном счете, возобладает в долгосрочной перспективе (на ближайшие 50 лет развития). Можно ли говорить о перспективах полной либерализации Китая и встраивании его в мировую рыночную систему или сохранении баланса (компромисса) между государственным (социалистическим) этатизмом и либеральным проектом. Думается, что государственно-этатистские тенденции, с учетом опыта нейтрализации последствий кризиса, в китайской экономике будут усиливаться.

Из современных внешнеполитических аспектов следует выделить сложившийся формат российско-китайских отношений, глобальный контекст которых в настоящее время просматривается по всем вопросам “мировой повестки” — от борьбы за многополярность до вопросов климатических изменений, противодействия росту традиционных и нетрадиционных вызовов и угроз. Частью “глобальной повестки” является вопрос о влиянии американского фактора на российско-китайские отношения и перспективах развития “треугольника” Россия — США — Китай. Этот вопрос имеет разные интерпретации и варьируется среди экспертов в широком спектре мнений и оценок, от концепции возможности “политического сдерживания” американского гегемонизма Россией и Китаем до “теории” неизбежного конфликта в данном “треугольнике”, либо по линии КНР — США, либо по линии российско-американских отношений. Попытки новой американской администрации Барака Обамы разыграть российскую “карту” против Китая также исключать нельзя. Как нельзя исключать и возможности обострения китайско-американских отношений в условиях углубления влияния мирового финансового кризиса, несмотря на демонстрацию обеими сторонами политических и экономических успехов в рамках сложившегося стратегического диалога.

Региональные измерения российско-китайского партнерства можно представить форматом РИК — трехсторонним российско-китайско-индийским партнерством, а также моделью ШОС (Шанхайской организации сотрудничества). В отличие от “треугольника” Россия — Индия — Китай ШОС представляет офи-

циальную международную организацию, региональную структуру взаимодействия, которая не является военным союзом и в отличие от НАТО не имеет обязательств по взаимной обороне. Центральная Азия становится одной из основных арен экономического, геополитического и военного соперничества ведущих мировых держав. Среди российских и китайских экспертов все чаще звучат мнения о необходимости уделить особое внимание повышению роли организации в обеспечении обороны и безопасности ее учредителей.

Сотрудничество России и Китая в АТР также носит региональный характер и проявляется во взаимодействии в АТЭС, использовании Россией китайского опыта проектов АСЕАН+3 и АСЕАН+1 (Китай), а также относительно нового проекта Китай — Япония — Южная Корея. Однако существует ряд препятствий для более активной интеграции России, в том числе созданных искусственно рядом западных стран (США) и их военно-политических союзников в Азии. Так, Россию не первый год исключают из списков кандидатов на вступление в форум лидеров “Азия — Европа” (АСЕМ — структуру, объединяющую ЕС и 10 стран АТР, включая Китай, Японию и Южную Корею). Недопущение РФ в форум выглядит явно несправедливым, поскольку именно российское государство в географическом и цивилизационном отношениях является реальным (евразийским) мостом, соединяющим Европу и Азию.

Ю.А.Дубинин

Китайская Народная Республика встречает свое 60-летие серьезными успехами в различных сферах государственной деятельности. Не является исключением и внешнеполитическая сфера, где достижения КНР особенно заметны. Сегодня Китай — один из ведущих глобальных игроков, чье присутствие отчетливо проявляется в таких разнообразных сферах международной деятельности, как обеспечение международной безопасности, международное сотрудничество, ограничение гонки вооружений, активное участие в формировании международных организаций и институтов. Китайские политологи в современном дискурсе делят 60-летнюю историю Народной Республики на два равных 30-летних отрезка (до и после начала китайских реформ). Это, возможно, и справедливо с точки зрения социально-экономического развития страны, однако, внешняя политика Китая за 60 лет прошла через значительно большее количество этапов, совершила немало крутых разворотов, о чем на сегодняшнем круглом столе ярко и убедительно рассказал академик М.Л. Титаренко.

Не вдаваясь в детали и подробности эволюции каждого из направлений внешней политики КНР, о чем уже написаны тома монографий в нашей стране и за рубежом, хотел бы сегодня предложить сопоставить внешнеполитические параметры Китая, какими они были 60 лет назад и какими являются теперь, чтобы оценить в полной мере характер и масштабы произошедших перемен.

Внешнеполитический потенциал. Народная революция 1949 г. победила в стране, подвергавшейся внешней агрессии с 1931 г. и с тех пор непрерывно воевавшей (сначала — война сопротивления японской агрессии, затем — ожесточенная междоусобная гражданская война). Многолетние боевые действия на территории Китая привели к существенным разрушениям производительных сил, уровень развития которых и без того был невысок, а также всей инфраструктуры страны. На многие годы были прерваны хозяйственные и иные связи между регионами, контролировавшимися воевавшими между собой армиями японских оккупантов, Гоминьдана и КПК.

Победивших в гражданской войне китайских коммунистов поддержал обескровленный в страшной схватке с фашистскими агрессорами Советский Союз, в то время как гоминьдановцы, получавшие поддержку США — самой мощной и богатой державы мира, ее проиграли. “Потеря Китая”, как сетовали американские правые, вызвала к жизни ожесточенное американо-китайское противостояние, продолжавшееся более двадцати лет.

При этих обстоятельствах КНР приходилось компенсировать недостаточность собственного внешнеполитического потенциала за счет опоры на другие силы. Сначала это реализовалось путем заключения союзного договора с СССР. До определенного времени советско-китайский союз обеспечивал желанную для руководителей КНР безопасность, стабильность и динамику развития страны. Однако чрезмерные амбиции толкнули китайских руководителей на поиск дополнительного внешнеполитического ресурса. Они попытались нарастить его за счет достижения ведущей роли в международном коммунистическом движении, затем в рамках “доктрины трех миров” боролись за то, чтобы стать выразителем интересов национально-освободительного движения и чаяний развивающихся государств. Тем не менее, подобная активность не давала желаемых результатов. Не привели к повышению внешнеполитического потенциала КНР и попытки ее руководства поиграть на межсистемных противоречиях между социализмом и капитализмом в 70-х — начале 80-х гг. прошлого столетия.

Только принятая 30 лет назад программа модернизации страны и ее внешнеполитический аспект, сформулированный XII съездом КПК как курс мира и развития, создали благоприятные условия для постепенного, неуклонного наращивания внешнеполитического потенциала КНР на долгосрочной основе. Китайские руководители пришли к выводу, что только укрепление экономического потенциала страны, рост национального богатства, улучшение качества жизни населения и консолидация на этой основе китайского общества могут обеспечить стране достойное место в международных отношениях, превратят Китай в мощного, солидного субъекта на региональной и глобальной сцене. Сегодня мы можем констатировать появление в глобальных и региональных международных отношениях важного, крупного игрока, с достоинством и последовательностью прокладывающего свой внешнеполитический курс, игрока, с которым стремится строить хорошие, дружественные отношения подавляющее большинство государств.

Благодаря возросшему внешнеполитическому потенциалу Китайская Народная Республика неуклонно превращается из значительной региональной державы в весомый глобальный фактор, играющий все более заметную роль в решении острейших международных вопросов. Вместе с тем, необходимо отметить: на нынешнем этапе своей внешнеполитической деятельности Китаю явно недостает практического опыта участия в решении проблем глобального характера, хотя руководители страны в последнее время активно компенсируют это путем включения в деятельность ряда двусторонних и многосторонних структур (диалог с США, Евросоюзом, Японией, АСЕАН, Россией, деятельность Шанхайской организации сотрудничества, участие во встречах “G-8+” и “G-20”, создание БРИК и других).

Международная среда. Аналогичным образом можно констатировать значительные изменения, произошедшие в международной среде, в которой КНР действовала 60 лет тому назад и действует сегодня. Биполярная конструкция мира в эпоху “холодной войны” диктовала жесткие правила международного пове-

дения. Руководителям КНР неизбежно приходилось учитывать эти правила при формулировании линии своей внешней политики. Выбор в пользу создания общества, построенного на основе социалистической модели, и необходимость опереться на тесный союз с СССР предопределили на тот момент место Китая в системе международных отношений. В обстановке разгоравшейся “холодной войны” КНР пришлось взять на себя немало сложных внешнеполитических и стратегических решений, вытекавших из алгоритма блоковой дисциплины и командных действий. Одним из важнейших шагов такого рода было участие китайских народных добровольцев в войне на Корейском полуострове в 1950—1953 гг.

Хотя китайское руководство экспериментировало в поисках господствующих позиций в развивающемся мире (конец 1950-х — начало 1970-х гг.), оно все же продолжало позиционировать себя в качестве составного элемента системы социалистических государств. В частности, оно твердо встало на сторону вьетнамского народа, сражавшегося против агрессии США, и оказало Вьетнаму существенную военную и экономическую помощь.

Дальнейшие внешнеполитические маневры КНР объективно способствовали — помимо других факторов международной жизни — размягчению жесткой двухполюсной конфигурации мира, что позволяло Пекину играть с Москвой и Вашингтоном в системе “стратегических треугольников”. Однако по причине несопоставимости внешнеполитического потенциала Китая с США и СССР, в то время Пекину в этой игре не удавалось приобрести сильные, лидерские позиции, он не мог определять характер и правила игры. Кроме того, лидеры западных государств продолжали с недоверием относиться к КНР, рассматривали (и продолжают рассматривать) существующую там политическую систему как трудно совместимую и потенциально антагонистичную западным политико-экономическим и гуманитарным ценностям. Не желая превращаться в орудие более сильного (американского) партнера, опасаясь, что они могут стать объектом чужих внешнеполитических манипуляций, китайские руководители провозгласили курс на независимость и самостоятельность своей внешней политики, заявляя, что Китай никогда не будет союзником какой-либо крупной державы.

С распадом биполярного мира заметно изменилась и современная международная среда. Она становится достаточно комфортной и позволяет КНР всесторонне использовать свои естественные преимущества. С одной стороны, с прекращением политико-идеологической и военной межсистемной конфронтации снижается ценность фактора военной силы, в котором Китай традиционно уступал крупнейшим мировым державам, и появляются возможности довольно свободного внешнеполитического маневрирования в пределах определенных “правил игры”, чем активно пользуется КНР. С другой стороны, бурно развивающиеся на рубеже веков процессы глобализации позволяют современному Китаю широко использовать такие его конкурентные преимущества, как огромные трудовые ресурсы, достаточно хорошо развитые торгово-экономическая и финансовая системы, экономическая активность китайского государства и бизнеса, значительные накопленные госрезервы и ряд других факторов. Важную роль в открытом глобализованном мире играют многочисленные китайские диаспоры, а также вошедшие в конце XX в. в состав КНР Гонконг и Макао с их высокоразвитыми финансовыми и бизнес-структурами. И хотя временами представители Запада бросают в адрес Китая упреки в не вполне этичной деловой практике, в целом по-

ведение Китая в современном мире в полной мере отвечает нормам формирующейся международной среды.

Внешиполитические задачи КНР. Сегодня, в условиях изменившихся внешнеполитических ресурсов КНР и кардинально трансформировавшейся международной среды китайское руководство формулирует свои внешнеполитические приоритеты на XXI в., которые, как представляется, по-прежнему лежат в следующих основных плоскостях: аспекты безопасности, аспекты развития и аспекты сотрудничества.

В условиях биполярного мира КНР постоянно пребывала в состоянии ожидания угрозы своей безопасности (реальной либо кажущейся): то со стороны “американского империализма и японского милитаризма”, то “с Севера”. На современном этапе ощущение внешней угрозы по большому счету ушло из китайского внешнеполитического дискурса. Сегодня в центре внимания руководства КНР стоит активное участие в формировании неантагонистической системы международной безопасности в регионе Восточной Азии и бассейне Тихого океана (с особыми подходами к субрегионам Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии), где Китаю была бы обеспечена центральная роль и где он занимал бы лидирующие позиции. Растет внимание руководства страны и к вопросам обеспечения безопасности на западном направлении, что находит свое проявление в активизации сотрудничества в рамках ШОС и диалога в формате РИК (Россия—Индия—Китай). Наряду с региональным измерением безопасности КНР начинает уделять внимание и глобальным аспектам. Как отмечалось выше, Китай все более активно вовлекается в диалоги по различным сторонам глобальной безопасности. Здесь и проблемы нераспространения оружия массового уничтожения (шести-сторонние переговоры по денуклеаризации Корейского полуострова, дискуссии по иранской ядерной проблеме), инициативы по демилитаризации космического пространства, обсуждение проблем глобальной финансовой стабильности, экологической безопасности и многое другое. Несмотря на несколько запоздалое обращение к глобальным проблемам, руководство КНР явно наверстывает упущенное и на глазах превращается в активного и влиятельного участника глобальных процессов.

Вопросы развития неизменно волнуют и будут волновать руководство КПК, поскольку именно по этим проблемам проходили наиболее жаркие внутренние дискуссии в стране. Однако сегодняшний Китай позиционирует себя как всесторонне и динамично развивающееся общество, глубоко вовлеченное в глобальные экономические процессы. Более того, весь мир внимательно наблюдает за действиями правительства КНР в развитии своей экономики, поскольку от того, как она поведет себя, во многом будет зависеть, насколько успешно и быстро глобальная экономика сможет оправиться от тяжелейшего кризиса. Эта ситуация разительно контрастирует с картиной, существовавшей после образования КНР, когда само выживание республики прямо зависело от срочного получения помощи извне. Именно Советский Союз, другие страны социалистического лагеря оказали в тот момент неоценимую поддержку народу Китая, которая помогла ему в итоге успешно стартовать к экономическому процветанию.

Сегодня КНР решает проблемы своего развития прежде всего за счет резко возросших внутренних ресурсов; кроме того, страна активно вовлечена в мировую экономику и является одной из ведущих торговых держав мира, крупнейшим держателем золотовалютных резервов. Сложившаяся в КНР модель требует для ее

дальнейшего совершенствования, сохранения и расширения долгосрочного диверсифицированного международного сотрудничества без конфликтов и конфронтаций.

В результате проводившейся правительством Г. Трумэна политики Китайская Народная Республика в момент своего образования оказалась практически изолированной почти от всего западного мира. Даже в регионе Восточной Азии большинство государств под давлением США отказывались признавать КНР и вести с ней политические и торговые дела. Такое положение привело к тому, что лидеры КНР, по сути, были вынуждены сделать выбор в пользу определенной модели сотрудничества и определенных партнеров. Как показало время, своим выбором китайские руководители оказались не вполне довольны и вскоре начали активно разрабатывать альтернативные варианты партнерства. К тому же, на первом этапе своего развития Китай в силу собственного экономического положения не мог предложить формулу равноценного сотрудничества, выступая, по существу, в качестве государства-реципиента.

Ныне, благодаря своим экономическим достижениям и активной внешне-политической деятельности, КНР не испытывает недостатка в желающих сотрудничать с ней — как из числа государств различных регионов мира, так и со стороны крупнейших представителей мировой бизнес-элиты. Сегодня Китай в состоянии сам сегодня определять круг своих партнеров и условия сотрудничества с ними. Страна из государства-реципиента превращается в государство-донора, оказывает существенную помощь многим развивающимся странам, активно участвует в формировании повестки и разработке правил международного сотрудничества.

А.С. Давыдов

Анализируя итоги и перспективы развития КНР за прошедшие шесть десятилетий и отмечая 60-ю годовщину установления дипломатических отношений между нашими странами, не следует забывать еще об одной юбилейной дате: в начале нынешнего года исполнилось 30 лет установления официальных дипломатических связей между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. Причины того, почему Америка и Китай установили официальные отношения спустя целых три десятилетия после образования КНР, известны и исследованы достаточно подробно. Если охарактеризовать их буквально несколькими словами, то можно сделать вывод, что обе стороны в этом вопросе стали заложниками как внешних, геополитических и идеологических факторов, так и их собственных внутренних обстоятельств.

Завоевание компартией власти в Китае происходило на фоне острого политико-идеологического и военного размежевания между СССР и США, бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, последовавшего вскоре после окончания второй мировой войны. Антикоммунистическая истерия и разгул маккартизма в Соединенных Штатах по существу исключили возможность уже готовившегося признания американским правительством нового китайского руководства на материке.

С другой стороны, ситуация внутри КПК в тот период сложилась таким образом, что, как явствовало из рассекреченных в конце 1980-х гг. политических документов китайского руководства, “из-за международного окружения и по причинам исторического характера Китай на первое место поставил в то время развитие отношений с Советским Союзом и со всеми странами народной демократии” (“Хунци”. 1988. № 6. С. 27—28). Кроме того, в области установления дипломатических отношений со странами с другим, отличным от КНР общественным строем Мао Цзэдун выдвинул два четких принципа: “1) эти государства должны

прервать отношения с гоминьдановским правительством; 2) необходимо путем определенных переговоров четко устанавливать дипотношения” (там же). Вашингтон же сохранял дипломатическое признание и поддержку гоминьдановского режима на Тайване, поэтому установление официальных отношений между КНР и США в этих условиях не представлялось возможным.

Таким образом, несостоятельны рассуждения о том, что препятствием к налаживанию отношений США с правительством нового Китая стал якобы СССР, “купивший” Мао Цзэдуна посулами масштабной помощи и дешевых кредитов. Определяющее влияние на политику американского правительства и общественное мнение страны в то время оказывали силы внутри и вне США, тесно связанные с гоминьдановской верхушкой, с которыми был вынужден считаться Белый дом.

Цепь последующих событий во взаимоотношениях двух стран, включавшая войну в Корее, кризис в Тайваньском проливе, попытки США и их союзников организовать дипломатическую “блокаду” КНР, недопущение ее на протяжении двух с лишним десятилетий к участию в работе ООН и ее Совета Безопасности, лишь усугубили напряженность и накалили враждебность между Америкой и Китаем.

Что касается периодизации 60-летней истории отношений КНР и США, то она, казалось бы, вполне органично распадается на два этапа:

- 1) Первые 30 лет (1949—1978) — без взаимного дипломатического признания;
- 2) С 1979 г. по настоящее время — в формате установления, поддержания и развития официальных политических, торгово-экономических, военных, дипломатических и иных связей.

Однако, такая периодизация, на наш взгляд, будет не совсем точной, ибо не вполне передает динамику качественных и количественных изменений параметров двусторонних контактов. Правомерным, как представляется, был бы несколько иной подход, при котором эти этапы включали:

- 1) 1949—1968 гг. (т.н. “докиссинджеровский период”)
- 2) с 1969 г. по сегодняшний день, поскольку именно на протяжении последних 40 лет качественные характеристики китайско-американских отношений кардинально поменялись с “минуса” на “плюс”, и они, несмотря на “зигзаги” и временные “откаты”, в целом развивались и продолжают развиваться по нарастающей.

В советской историографии достаточно широко была представлена точка зрения, согласно которой сближение США с Пекином произошло исключительно на почве общего для них антисоветизма. Безусловно, китайско-советский раскол сыграл определенную роль в стимулировании интереса в политических кругах США к установлению контактов с Пекином, особенно после известных столкновений 1969 г. на советско-китайской границе. Но не это было определяющим. Эскалация войны во Вьетнаме завела США в тупик, и им необходимо было найти приемлемый путь военного ухода из Юго-Восточной Азии. Без нейтрализации Китая это было бы намного сложнее.

К тому же, антисоветизм не был присущ всем соперничавшим между собою группировкам в китайском руководстве в одинаковой степени. После событий на Даманском власть в КНР на некоторое время консолидировалась в руках военных. И хотя именно на них во главе с Линь Бяо была возложена основная ответственность за пограничные вооруженные столкновения, антиамериканизм в военной среде был распространен в Китае значительно сильнее, чем антисоветизм. А визит президента США Р. Никсона в КНР в 1972 г. стал возможен лишь после гибели Линь Бяо, организовавшего, как утверждают китайские власти, заговор против Мао Цзэдуна. Все ос-

новые рычаги административного управления уже находились к тому времени в руках прагматика Чжоу Эньлая, чуждого идеологических симпатий или антипатий и действовавшего исключительно в интересах выгоды для собственной страны.

Как бы то ни было, результатом американо-китайской нормализации, начавшейся около 40 лет назад, после прихода Р. Никсона в Белый дом, а Киссинджера в администрацию президента США, стало постепенное восстановление контактов двух стран в ключевых областях и последующее установление с 1 января 1979 г. полномасштабных официальных дипломатических отношений. Не в последнюю очередь это стало возможным на основе достижения договоренности о статусе Тайваня, сформулированной в совместных коммюнике.

Но не только это. Важным международным итогом китайско-американского сближения стало формирование в мире иной, по сравнению с прошлым, геополитической реальности: блоковому противостоянию пришла на смену система “баланса сил”. Идеологическая конфронтация стала постепенно отходить на второй план, все явственнее уступая место борьбе конкурирующих национальных интересов.

По утверждению некоторых исследователей, именно визит Никсона в КНР стал отправной точкой процесса распада биполярной системы мира, а впоследствии — прекращения существования СССР.

Сами по себе отношения США и КНР с момента их восстановления развивались, как уже отмечалось, зигзагообразно и пережили за прошедшие три десятилетия периоды взлетов и спадов. Всплески обоюдной эйфории чередовались с “заморозками”, что обусловлено наличием во взаимоотношениях двух стран комплекса острых проблем, главной из которых была и пока остается тайваньская.

Тем не менее, позитивное в балансе американо-китайских связей накануне их 30-летнего юбилея заметно превосходило негативное. Важнейшим для обеих сторон является то, что отношения США и Китая, по всеобщему признанию, имеют доминирующее влияние на современную глобальную ситуацию.

В КНР давно получило официальное признание отношений с Соединенными Штатами “самыми важными из двусторонних отношений в мире”, которые затрагивают не только интересы обеих стран, но мир и стабильность в Азии и на глобальном уровне. Сменившая в Белом доме республиканца Дж. Буша-младшего новая администрация демократа Б. Обамы также осознает первостепенное значение американо-китайских связей.

Действительно, за последние 10 лет экономическая мощь КНР резко возросла. Китай ныне — самый крупный получатель иностранных инвестиций, обладатель самых больших золотовалютных резервов, он входит в тройку мировых лидеров по объему ВВП. За последние 30 лет Китай вывел из нищеты 400 млн чел. Он обошел Россию по величине расходов на оборону, став вторым по этому показателю после США. В 2007 г. вклад КНР в мировой экономический рост был больше, чем вклад США.

На конец 2008 г. в Китае насчитывалось 17000 предприятий с участием американских инвестиций, годовые доходы от продаж у которых превысили 1 млрд долл. США. Численность занятых на них составляла около 2,2 млн чел. Общий объем американских инвестиций в экономику Китая достиг почти 60 млрд долл. За прошедшие три десятилетия объем торговли между КНР и США вырос более чем в 120 раз — с 2,5 млрд долл. в 1979 г. до более 300 млрд долл. на конец 2007 г. Между сторонами было подписано свыше 30 соглашений о межправительственном сотрудничестве, создан механизм диалога более чем по 60 вопросам,

продолжает углубляться культурный обмен. В последние годы свыше двух миллионов граждан КНР и США ежегодно пересекают границы двух государств.

Не удивительно, что неуклонный рост количественных показателей укрепления совокупного потенциала Китая привел к изменению качества его геополитического статуса: из регионального лидера он превратился в глобальную супердержаву. Кроме того, в условиях разразившегося финансово-экономического кризиса Китай, как выяснилось, чрезвычайно важен для стабилизации экономической системы США.

Дефицит Америки в торговле с Китаем превысил в 2008 г. 680 млрд долл. Но гораздо важнее другое. Пекин превратился в крупнейшего кредитора США. В руках китайского правительства, по утверждению газеты “Washington Post”, находятся облигации американского казначейства на сумму в 1,5 трлн долл. Уже сейчас китайская экономика переживает очередной подъем. В нынешнем году ожидается ее рост на уровне 9%, а в крупных городах — до 12%. В условиях кризиса Вашингтону крайне важно, чтобы Китай продолжал приобретать американские долговые обязательства. Но курс Пекина на расширение внутренних рынков умаляет надежды на то, что КНР бросит основную часть своих золотовалютных ресурсов на стимулирование американской экономики.

Поскольку заставить Пекин корректировать свой политический и валютно-экономический курс в пользу США вряд ли возможно, определенные силы в американском истеблишменте пытаются навязывать Китаю некий проект, в рамках которого необходимые Вашингтону действия могут трактоваться не как уступки, а как шаги по построению совместного миропорядка. При этом идея американского лидерства в представлении самих США не должна подвергаться сомнению.

С тактической точки зрения, расчет американцев при позиционировании этого т.н. “проекта общей судьбы”, или “кимерики” состоит, прежде всего, в привлечении ресурсов Китая для содействия выходу США из кризиса. В стратегическом плане его авторы нацелены на развязывание новой масштабной геополитической игры, результатом которой должно, по их замыслу, стать очередное глобальное возвышение Америки, предпочтительно на фундаменте спровоцированного ею российско-китайского разлада.

В Пекине это понимают и выражают весьма настороженное отношение к идее дуополюсности. Многие усматривают в ней ловушку, которая еще сильнее свяжет Китай и поставит его в еще большую зависимость от США. Есть все основания утверждать, что Китай по целому ряду политических и экономических причин никогда не примет правил игры, в силу которых будет рассматриваться как “младший брат” Америки. По этим же резонам он вряд ли согласится подчинять интересам США свою политику на российском направлении.

Безусловно, российский фактор играет в отношениях США и Китая не последнюю роль. На протяжении последних нескольких лет Россия проводит неизменную и последовательную внешнюю политику, цели которой можно охарактеризовать следующим образом: вернуть статус великой державы, восстановить свое влияние на постсоветском пространстве, препятствуя посягательствам на него Запада, возродить военную мощь страны, усилить позиции своей дипломатии в Европе, Азии и других регионах и противостоять мировому господству США. Некоторые из них совпадают с интересами Китая.

В последнее время участились разговоры о возможности или невозможности участия России наравне с США и КНР в некой новой конфигурации напо-

добие прежнего треугольника, который в Китае, например, предпочитают именовать “триумвиратом”, подчеркивая, что новая связка не предполагает, как прежде, союза двух сторон против третьей.

Очевидно, что времена “геометрических” построений, которые были нацелены на извлечение геополитических преимуществ из военно-политической конфронтации, уже “канули в Лету”. Однако, чтобы голос России в “триумвирате” звучал весомо, она должна, как минимум, обладать сопоставимой с двумя другими его участниками комплексной мощностью. Что касается, например, экономики, то на фоне США и Китая Россия пока выглядит очень скромно, тем более что степень ее зависимости от внешних обстоятельств, продемонстрированная кризисом, превзошла самые пессимистические прогнозы. Даже через пять лет, согласно выкладкам некоторых аналитиков, в глобальной экономике она будет находиться лишь на шестом месте в мире (3,2%), тогда как США и КНР останутся в лидерах (соответственно, 19% и 14,7%).

Вес и влияние России в геополитическом раскладе сил сохраняются пока за счет поддержания ею своего военного и ракетно-ядерного потенциала. Однако многое будет зависеть от того, как пойдет процесс переговоров с США в этой области. Уступки в военно-стратегической сфере приведут лишь к еще большему ослаблению геополитических, а затем и экономических позиций РФ.

Оценивая текущее состояние и перспективы развития китайско-американских отношений, нельзя не упомянуть о том, что в настоящее время обе страны считают их наилучшими за всю предшествующую историю. Тем не менее, важно не упустить из виду, с каким “багажом” пришла к этому рубежу каждая из сторон. Оценки могут быть достаточно субъективными, но, тем не менее, в качественном и количественном отношении более весомым представляется “багаж” КНР. И если Китай, по его собственному выражению, за последние десятилетия “встал с колен”, то США, наоборот, опустились, как минимум, на одно из них. За последние 18 лет они растратили значительную часть “капитала”, оказавшегося у них в руках после распада СССР: Ирак, Афганистан, внутренние экономические неурядицы и, наконец, глобальный кризис. С другой стороны, Китай, несмотря на серьезные внутренние трудности, постоянно “набирал очки” в переносном и буквальном смысле. В частности, блестящая победа атлетов КНР на Олимпиаде—2008 в Пекине позволила Китаю, используя спорт как один из ресурсов т.н. “мягкой силы”, убедительно заявить о своих притязаниях на ведущую глобальную роль.

Естественно, США попытаются не допустить реализации сценария превращения в будущем КНР в реального глобального лидера. Таким образом, вполне резонен вывод о том, что грядущая борьба США и Китая за “мировое первенство” как минимум не исключена. Кроме того, у двух стран существует целый ряд проблем, и их отношения нельзя рассматривать в отрыве от них. Главной из проблем, несмотря на некоторое “затихание” эмоций в последнее время, по-прежнему остается тайваньская. Наряду с этим наличествуют озабоченность Вашингтона ростом военной мощи Китая, громадный дисбаланс в двусторонней торговле, права человека и целый ряд других. Важно учитывать, что США и Китай — нации, отличные одна от другой по целому ряду важнейших параметров: они находятся на разных континентах, говорят на разных языках, имеют несхожие исторические и культурные корни и традиции, мало совместимые политические системы, неодинаковый социально-экономический строй, разнятся в своем отношении к духовным и религиозным ценностям. Вместе с тем, одинаково характерной для обеих этих наций является их внутренняя убежден-

ность в предопределенности для каждой из них судьбы мирового лидера, претензия на авангардную глобальную роль.

Вполне очевидно, что как два основных субъекта будущих международных отношений они уже сегодня должны заняться поисками путей к обоюдной адаптации. И хотя в ходе таких поисков столкновения неизбежны, компромиссы и взаимные уступки не только возможны, но и необходимы.

В.Я. Портяков

Хотел бы обратить внимание на существенное изменение роли внешней политики Китая. Долгие годы — думаю, практически до конца 1990-х гг. — она выполняла, прежде всего, представительскую и компенсаторную функции. С начала нынешнего десятилетия, вслед за быстрым укреплением позиций КНР в мировой экономике и нарастающим вовлечением страны в деятельность разного рода международных институтов, акцент во внешней политике Пекина смещается на реализацию новых функций. Это, во-первых, обеспечение внешней проекции растущей внутренней мощи (характерный пример — концепция “цзоучуэйдун”, выхода вовне). Во-вторых, заявка на участие Китая в формировании международных правил игры, т.е. принципов функционирования мирового сообщества в политическом, правовом, экономическом и культурном полях.

В.И. Трифонов

Хотелось бы сказать несколько слов об оценках в Китае современной внешнеполитической концепции КНР. Из бесед с представителями ряда ведущих китайских научных центров, в частности, Института России, Восточной Европы и Центральной Азии АОН КНР, Института США АОН КНР, Китайской академии современных международных отношений, Института международных проблем при МИД КНР, Исследовательского центра Госсовета по проблемам развития, Китайского фонда международных исследований, а также изучения последних научных публикаций в Китае по вопросам внешней политики КНР можно заметить, что лейтмотив китайских оценок состоит в следующем: современный мир переживает период глубоких перемен, результатом которых может стать изменение нынешней западно-центричной модели мира, формирование более справедливого, демократичного миропорядка, где существенно увеличится роль развивающихся стран, еще больше укрепятся позиции Китая. Не увенчались успехом попытки США установить в период после окончания “холодной войны” свое безраздельное господство в мире. Сильнейший удар по их планам нанес провал военной операции в Ираке, главная цель которой заключалась в том, чтобы поставить под контроль США ближневосточный регион с его нефтью. Американские позиции оказались серьезно подорванными и в результате разразившегося мирового финансово-экономического кризиса, вина за возникновение которого, как подчеркивается, в значительной степени лежит на самих США. Усилились противоречия Вашингтона не только с основными противодействующими ему силами на мировой арене — Россией, Ираном, исламским миром, в известной степени Китаем, но даже с ближайшими союзниками США по НАТО. Стало совершенно очевидным, что никакая, даже самая сильная страна, каковой являются Соединенные Штаты, не в состоянии в одиночку справиться с решением нарастающих в мире серьезных проблем, навязать свою единоличную волю. Необратимый характер принял процесс становления многополюсного мира, хотя конструкция многополярности существовала и ранее — США, ЕС, Китай, Россия, Индия, АСЕАН, исламский мир и др.

В качестве одной из главных тенденций современной международной обстановки китайские специалисты указывают на неуклонный рост в мире влияния и позиций так называемых “быстро растущих” (*синьсин*) государств — Китая, России, Индии, Бразилии. Существенно повышается значение регионального фактора в решении глобальных проблем. Такие структуры как ЕС, АТЭС, АСЕАН, ШОС и другие все больше берут в свои руки дела региона и успешно решают имеющиеся там проблемы. Задача сейчас, указывают китайские специалисты, — приступить к постепенному изменению сложившейся системы, направленной на обеспечение интересов, в первую очередь, группы наиболее сильных и богатых государств. Это касается перестройки как политических, так и международных финансовых институтов, которые должны быть поставлены на службу всем странам мира. При этом твердо подчеркивается, что упомянутые цели должны быть достигнуты путем налаживания конструктивного сотрудничества между странами международного сообщества (слово “сотрудничество” проходит рефреном через все китайские высказывания и публикации). Особая роль принадлежит здесь странам БРИК, развивающимся странам, следует также активно использовать структуры и возможности ООН и других международных организаций.

Выстраивая в нынешнем международном контексте свою внешнеполитическую линию, китайские специалисты подчеркивают, что Китай должен позиционировать себя как “ответственную державу”, активно участвовать в формировании нового более справедливого порядка, нести обязательства как в деле упрочения международной стабильности и безопасности, так и, особенно, в экономической сфере, включая оказание посильной экономической помощи нуждающимся странам. Такая линия, как отмечается, будет способствовать дальнейшему повышению роли и влияния КНР в мире, нужно использовать нынешнюю благоприятную для Китая международную конъюнктуру. Неоднократно подчеркивалось, что решающее значение в плане дальнейшего укрепления международного статуса Пекина будут иметь предстоящие 5—10 лет.

Оценивая реальные возможности Китая, следует отметить: хотя по номинальному объему ВВП он вышел на третье место в мире, значительно усилив глобальные позиции, международный авторитет, политический и экономический вес в мире, тем не менее, по многим показателям КНР остается развивающейся страной. Предстоит еще немало сделать, прежде чем она достигнет поставленной Дэн Сяопином задачи превращения к середине нынешнего века в среднеразвитую страну. В этой связи представляет интерес имеющая место в китайских научных кругах полемика вокруг известного постулата Дэн Сяопина о том, что с учетом сложной международной ситуации и ограниченных возможностей Китая, ему следует “хладнокровно наблюдать за обстановкой, укреплять собственные позиции, проявлять сдержанность, не торопиться, полностью отдаться работе, хорошенько делать свои дела”. И если консервативно настроенные специалисты рекомендуют именно так поступать и в дальнейшем, то более молодое поколение китайских экспертов полагает, что пришло время для наступательной линии Китая, используя как возросший авторитет КНР в мире, его мощный экономический потенциал, так и “мягкую силу” китайского примера, конструктивный и ненасильственный характер политики КНР, цивилизационный потенциал китайской культуры и философии. Приводится длинный перечень позитивных шагов и роли КНР в мировых делах: активное участие в работе ООН, в ее миротворческих операциях (Китай участвовал в 22 миротворческих операциях ООН, напра-

вив 20 тыс. своих миротворцев); участие в наиболее важных встречах (саммитах) мировых лидеров; успешное проведение Олимпийских игр в Пекине; позитивная роль в преодолении последствий мирового финансового кризиса, противодействие попыткам Запада переложить тяготы кризиса на другие, в первую очередь развивающиеся страны; усилия по борьбе с терроризмом, пиратством; конструктивная линия в вопросах нераспространения ядерного оружия и оружия массового уничтожения; решение проблем экологии, продовольственной проблемы и т.д. Достаточно наглядно демонстрация активного характера политики КНР, его растущей конструктивной роли в мировых делах, вклада Китая в решение острых проблем международной жизни проявляется в заявлениях и выступлениях китайских руководителей по вопросам внешней политики — с упором на международное сотрудничество, необходимость построения “гармоничного мира”.

Определяя свои приоритеты в отношениях с другими странами, китайские специалисты на первый план продолжают выносить свои связи с США и Западом, которые, как отмечается, несмотря на переживаемые ими проблемы и трудности, остаются доминирующей силой в мире в политическом, экономическом и военном отношениях, являются главными торгово-экономическими партнерами КНР. Ставится задача углублять стратегическое партнерство с США, используя открывающиеся возможности в связи с приходом к власти в Вашингтоне новой, более прагматично настроенной администрации Б. Обамы (большое внимание уделяется анализу выдвинутой этой администрацией концепции “умной силы” — “smart power”). Это же относится к странам ЕС и Японии.

В то же время подчеркивается, что в условиях, когда КНР продолжает подвергаться нападкам и давлению со стороны Запада, постоянно сталкивается с вмешательством во внутренние дела Китая под предлогом защиты прав человека, Пекин будет и дальше давать твердый отпор этой линии, защищать свои суверенные права и национальное достоинство. Не намерен Китай поддаваться и на посулы США и Запада вроде американской идеи об установлении в международных делах “дуумвирата” США—КНР, продолжая придерживаться своей линии на независимость и самостоятельность. Сквозит и та мысль, что присоединение Китая к клубу богатых и сильных держав означало бы предательство его неизменных друзей и союзников — стран “третьего мира”, интересы которых Пекин намерен отстаивать и дальше.

Особое значение Китай придает укреплению отношений с ближайшими соседями и сопредельными странами, среди которых на первое место ставится Россия. Подчеркивается тесный характер отношений, установившихся между двумя странами, их растущая взаимозависимость, совпадение позиций между Россией и Китаем по основным международным вопросам, наличие зон общих интересов, как например, Центральная Азия, где действует ШОС, начавшийся поворот к широкому развитию экономических связей в различных областях, что подведет более прочную базу под отношения сторон. Поворотное значение здесь может иметь государственный визит в Россию Ху Цзиньтао 16—18 июня 2009 г., достигнутые в ходе визита договоренности в энергетической сфере, курс на внесение существенных коррективов в структуру товарооборота сторон путем повышения удельного веса машинно-технической и высокотехнологичной продукции, разработка Программы сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири России с Северо-Востоком Китая.

Анализируя отношение в КНР к российско-грузинскому конфликту, можно отметить, что китайские специалисты в целом с пониманием относятся к российским действиям, указывая, что “Россия была вынуждена ответить на планомерное расширение и давление со стороны НАТО” (особо ценно, что такой подход нашел отражение в Совместном российско-китайском заявлении об итогах последней встречи в Москве на высшем уровне, где было сказано: “Китайская сторона выразила поддержку усилиям России по сохранению мира и стабильности на Кавказе”).

В то же время китайские специалисты указывают на определенную недооценку Россией значения отношений с Китаем, отмечая, что основное внимание Москвы сосредоточено на взаимосвязях с США и Западом. Подчеркивается также, что в Центральной Азии Россия отдает приоритет ЕвразЭС, недостаточно активно использует преимущества ШОС. В российских СМИ и в высказываниях российских политологов, как отмечается, все еще имеют место заявления о “китайской угрозе”, нередки проявления ксенофобии в отношении китайских представителей, не урегулировано положение китайских мигрантов.

Большое значение придается укреплению сотрудничества в рамках треугольника КНР, Япония, Южная Корея. При этом представляет интерес высказанное рядом специалистов мнение о необходимости активизации взаимодействия между Китаем и Россией в Северо-Восточной Азии, создания специального механизма для обсуждения проблем региона с участием всех заинтересованных стран, тогда как сейчас доминирующей силой в СВА является созданная США сеть военных союзов.

Проявляется заметное беспокойство по поводу обострения ситуации на Корейском полуострове, чреватого серьезным кризисом. Немалую долю вины за обострение китайские специалисты возлагают на США и Японию, которые не выполняют своих обещаний в отношении КНДР и продолжают осуществлять политику военных угроз, а это ведет скорее к противоположным результатам. Высказывается также мнение, что важную роль в корейском урегулировании могут сыграть Китай и Россия с учетом их связей с Пхеньяном.

В качестве примера позитивного развития ситуации в АТР выделяется АСЕАН, становление и политика которой стали важным фактором стабильности в регионе. Налажены тесные связи и взаимовыгодное сотрудничество между АСЕАН и КНР в политической и экономической сферах.

Большое удовлетворение высказывается по поводу направления развития китайско-индийских отношений в последние годы, которые вышли на уровень стратегического партнерства. Быстро растет взаимная торговля, превысившая в 2008 г. 50 млрд долл. США. В качестве полезного инструмента в КНР рассматривают РИК (механизм взаимодействия между Россией, Индией и Китаем).

В условиях усиливающихся процессов глобализации важным направлением для Китая становится развитие связей со странами Африки и Латинской Америки. При этом первостепенное значение для КНР приобретают экономические аспекты этих связей, обеспечение новых рынков для китайских товаров, получение доступа к сырьевым ресурсам. Усилия КНР в этих регионах идут в русле общей линии Пекина на повышение значимости развивающихся стран в мировых делах.

Большое значение придается в Китае борьбе с терроризмом, наркобизнесом, пиратством, урегулированию ситуации в “горячих точках” и так называемых проблемных регионах (Афганистан, Корейский полуостров, Ближний Восток, Иран, Косово, Судан, Зимбабве и др. При этом Пекин, как правило, стремится держаться в стороне от напряженностей на пространстве бывшего СССР). Ки-

тайская сторона стала проявлять больше готовности принять участие в урегулировании этих проблем, исходя из того, что они представляют собой серьезную угрозу международной стабильности и безопасности, а это идет вразрез с мирными планами Пекина. В то же время, как подчеркивали китайские специалисты, КНР в этих вопросах проводит собственную линию, выступает против попыток Запада решать указанные проблемы на своих условиях и в своих интересах. Указывается также на необходимость учитывать социально-экономические аспекты, порождающие терроризм и экстремизм — серьезное неравенство в мире, чрезмерное богатство одних стран и беспросветная бедность других, что является одним из главных источников нестабильности. Необходимо, чтобы мировое сообщество повернулось к решению этих проблем, вплотную занялось вопросами экологии, изменения климата, решением усугубляющихся проблем с продовольствием, водой. В противном случае мир ждут большие потрясения.

В заключение хотел бы подчеркнуть особую значимость дальнейшего упрочения российско-китайских отношений в условиях нынешней сложной международной обстановки. Это нужно и России, и Китаю, существенно укрепляет позиции двух наших стран на международной арене. Пекин постоянно подчеркивает свою готовность к этому. Важно, чтобы был адекватный ответ и с нашей стороны.

Я.М. Бергер

Как мне кажется, мы достаточно адекватно справились со стоявшей перед нами задачей. В кратком, но насыщенном обмене мнениями были освещены основные итоги 60-летнего развития КНР по нескольким важным направлениям. Были охарактеризованы как несомненные успехи на этом пути, так и нерешенные еще проблемы. В ряде выступлений были выражены новые подходы, предложен новый взгляд на обсуждаемые вопросы. Возможно, не все из них бесспорны, но в этом и состоит специфика Круглого стола. Поэтому надеюсь, что стенограмма заседания привлечет внимание нашего читателя.